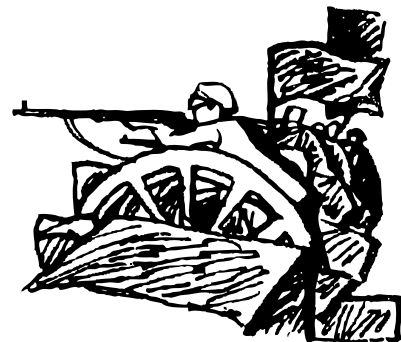


ПАВЛУША АНДРЕЕВ ★ АЛЁША
КУЗНЕЦОВ ★ МИША ГАВРИЛОВ ★
КИРЯ БАЕВ ★





Павлуша АНДРЕЕВ

— Арбуз, водички!
— Арбуз, за папиросами!
— Арбуз, угля!
И так каждый день.

Как только гудел гудок, Павлуша Андреев, по прозвищу Арбуз, начинал свой тяжёлый рабочий день на заводе Михельсона¹. А ночью мёрз в нетопленном чулане...

В воскресенье, спасаясь от придирок пьяного отца, удирал с мальчишками на улицу. Лазил в купеческие сады, дразнил дюжих дворников, спасался от злющих городских...

Не было бесправнее существ, чем заводские мальчишки. Но не было и отчаянней. Если где пожар, они первые на крыше. Если схватка рабочих с полицией, с казаками — мальчишки тут как тут. И частенько взрослых рабочих выручала мальчишеская смекалка. Кто спас от провала заводских большевиков, когда нагрянула в цех полиция? Павлушка-Арбуз! Набив под рубаху листовки, он успел спрятать их в саду у хозяина.

После этого случая взрослые стали присматриваться к мальчишке. А Саша Киреев, молодой слесарь-лекальщик — это он чуть не попался с листовками — стал даже дружить с бойким учеником кузнечного цеха. Саша показывал мальчику тонкости своей работы и привил Павлуше желание стать мастером слесарного дела.

.....
¹ Сейчас завод Михельсона носит название «завод Владимира Ильича».

День и ночь пылали горны, гремели станки, бухали молоты, лился рабочий пот. Кузнецы, токари, литейщики готовили снаряды, гранаты, каски, сапёрные лопаты по заказу царя для войны с немецким кайзером.

Деньги наживал обрусевший немец Михельсон — хозяин завода. Рабочие за каторжный труд получали жалкие гроши. А уж самые малые гроши, конечно, доставались мальчишкам на побегушках, ученикам, подручным — таким, как Арбуз.

Трудно жилось замоскворецким мальчишкам, трудно было выбиться в люди. И вдруг... Революция!..

Рабочие и солдаты в феврале 1917 года свергли в Питере царя — всё пошло наоборот. Чудеса!

Всё изменилось на улице. Присмирели хозяйские дворники. Не задевают рабочих мальчишек купеческие приказчики. Побаиваются гимназисты. Меньше обижают и мастера — на заводе появился парень от какого-то рабочего союза, поставил в заводском комитете стол и сделал надпись: «Защита прав молодёжи».

Значит, у мальчишек теперь есть права.

Полюбили замоскворецкие мальчишки революцию всем сердцем, всей душой.

И не только за то, что и о них позаботилась революция. У мальчишек вдруг появилось много новых друзей. И каких!

На завод прямо в цеха стали приходить интересные люди. Приходят и здоровые

ются, и расспрашивают: как им, мальчишкам, теперь живётся, сколько часов работают, учат ли их делу или всё гоняют мастера по пустякам?

Вот девушка-студентка Люсик Люсинова из коммерческого института: и красивая, и интеллигентная барышня сама подходит к рабочему, не стесняется, что из простых...

И говорит она замоскворецким рабочим мальчишкам, которых никто раньше и за людей не считал, будто они и есть будущее рабочего класса, опора революции, надежда страны! Ну, станут самыми главными людьми для себя, для всех. Только для этого нужно организовать.

То же самое говорят и гимназист Степан Кравчук, и студентки Лена Троицкая, Катя Карманова. Они организуют рабочих парней против буржуев, против фабрикантов, купцов и их приказчиков.

А есть и другие. Они делают всё наоборот, они против большевиков. Они говорят, что большевики зря мутят рабочих. Приходили такие из коммерческого института, да быстро их спровадили с завода, раскусили, что это сынки богачей и хотели они натравить рабочих на рабочих.

Многое изменилось, как свергли царя. Но всё по-прежнему тяжёлый труд на заводе: работают по шестнадцать часов в сутки; по-прежнему льют гранаты, шлифуют снаряды, куют сапёрные лопаты. Всё для войны с немецким кайзером Вильгельмом.

Февральскую революцию совершили рабочие и солдаты, а власть захватили богачи... Во Временном правительстве все главные министры — капиталисты. Значит, это не та революция.

Нужна другая. Не буржуазная, а социалистическая! Наша! Рабочая! Такая, к которой призывает партия коммунистов и товарищ Ленин.

Вот в каких делах стали разбираться Павлуша и его друзья — замоскворецкие рабочие мальчишки.

Ещё бы! Ведь он теперь — член Союза рабочей молодёжи «Третий Интернационал»¹.

Когда организация рабочей молодёжи на заводе Михельсона начала рабо-

¹ Союз рабочей молодёжи «Третий Интернационал» — предшественник комсомола (прим. ред.).

тать, Саша Киреев раздававший поручения, спросил Павла:

— Ну, а ты что можешь делать?

— Как что, а свистеть!

Киреев расхохотался: действительно, свистеть замоскворецкие мальчишки умели.

Посмеялся Саша, а потом и говорит:

— Извини, друг, это я не подумавши, не разобравшись, что ты говоришь всерьёз. Твой лихой свист может нам здорово помочь. Я слышал недавно, как наших ораторов пытались освистать гимназисты да купецкие приказчики. Так вот, надо им показать, что такое наш рабочий свист. Да так, чтобы ни один буржуйский оратор у нас в Замоскворечье не мог слова произнести.

Такое первое «партийное» поручение получил Павлуша Андреев.

Подобрав себе надёжных помощников, Павлик попевал на все митинги и собрания, которые кипели в Замоскворечье. Слушая многочисленных ораторов, мальчишки под командой Арбуза, как только какой-нибудь тип начинал наговаривать на большевиков и ругать Ленина, поднимали неистовый свист, крик: «Долой! Хватит!.. Слезай с трибуны, провокатор!»

Стоило мальчишкам начать — рабочие и солдаты подхватывали, и тип смылся.

Здорово действовали мальчишки под командой Павлуши.

Да, он был среди замоскворецких мальчишек не последним, и хотя уступал многим и в годах и в сознательности, но не уступал в революционном горении.

Его посылали сначала, казалось по пустячным делам: отнести записку туда, листовки сюда, раздать солдатам-фронтовикам большевистские газеты, проиникнуть с мальчишками в казармы полка, куда офицеры рабочих-большевиков не пускают.



Ленин в своих письмах из подполья предупреждал рабочих и руководителей-большевиков, что буржуазия вооружается, готовит и собирает силы для борьбы, что рабочему классу надо создавать свою Красную гвардию, укреплять её, не теряя времени, вооружаться.

Но где достать оружие рабочим отрядам? В московском военном округе засилье белых офицеров. Они готовятся усмирить рабочий народ, задавить революцию. Командующий округом полковник Рябцев у всех складов оружия поставил офицерские, юнкерские патрули. Рабочей милиции, по требованию Московского Совета, выдаются лишь револьверы да старые заржавленные полицейские шашки.

И вот рабочие-михельсоновцы узнали через железнодорожников, что на товарной станции есть склад оружия жандармского корпуса.

Произвели разведку при помощи мальчишек. Разведку возглавил Павлик. Ребятишки уточнили, где место склада. Как охраняется...

Охраняли его пожилые солдаты из команды выздоравливающих. Солдаты устали от войны, скучали по дому, по семьям. К мальчишкам отнеслись потцовски: не только не гнали с путей, но ещё делились солдатским хлебом, охотно разговаривали о том, о сём...

Когда поздно вечером вместе с мальчишками явились взрослые рабочие с револьверами в руках, солдаты без сопротивления подняли руки вверх и стали помогать грузить карабины, пистолеты, ящики с патронами...

А кое-кто из солдат присоединился к рабочим и ушёл обучать красногвардейцев военному делу.

Павлуша очень хотел пойти вместе с красногвардейцами обучаться военному делу. Но малолеток туда не принимали. И не то в шутку, не то всерьёз старый рабочий, красногвардеец Уваров, говорил ему:

— Придёшь со своей винтовкой, тогда ладно, становись в ряды.



В ночь с 25 на 26 октября в Красном Петрограде рабочие и солдаты, руководимые большевиками, победили. Они свергли буржуазное Временное правительство и передали власть в руки рабочих и крестьян — передали власть Советам. Главой первого в мире государства трудящихся стал Ленин.

Московский Совет рабочих и солдатских депутатов объявил, что берёт власть в свои руки.

Но буржуазия не хотела сдаваться просто так, без боя. Командующий московским гарнизоном полковник Рябцев не признал советской власти, объявил Моссовет и все рабочие организации распущенными, приказал юнкерам и верным Временному правительству войскам под командованием офицеров разоружить Красную гвардию и разогнать районные Советы.

Юнкера оцепили здание Московского Совета, отрезав его от рабочих окраин, заняли мосты через Москву-реку.

Моссовет вызвал к себе на помощь революционных солдат. Быстрым маршем пошла к нему рота «двинцев» солдат-большевиков.

На Красной площади их попытались остановить юнкера. Солдаты не остановились.

Юнкера дали залп. Солдаты бросились в штыки и, потеряв многих убитых, всё же прорвались и встали на защиту Моссовета.

Этот залп юнкеров возвестил о начале октябрьских боёв в Москве.



— Вставай, Арбуз! — крикнул кто-то из уличных приятелей. — Началось!

Павлик вскочил — без шапки и без пальто: пока за ними потянешься, отец схватит и не пустит — и выбежал на улицу.

А на дворе холод, дождит октябрь.

Но дела вокруг таковы, что зябнуть некогда. Стрельба так и раскатывается от Кремля к Замоскворечью. Прижимаясь к домам, бегут на сборные пункты рабочие-красногвардейцы. Отряды солдат, матросов, рабочих беглым шагом спешат к набережной, к мостам через реку.

Павлику нужно явиться в свой отряд — на завод Михельсона. Он не забыл сказанные ему Уваровым слова: «Вот явишься со своей винтовкой, становись в ряды!»

И Павлик бросается к тайнику, где у него спрятана винтовка, его «собственная» винтовка! Как он её достал — это сейчас не время рассказывать.

Это большая тайна... Все ребята помогали, чтобы вооружить своего Арбуза настоящей винтовкой.

Ведь все надеялись, что он каждому даст стрелкнуть. И главное, был уговор: если Павлика убьют, винтовка перейдёт

к Ване, от Вани к Петрю, от него к следующему...

Доставая из тайника винтовку, Павлик опоздал к сбору красногвардейского отряда завода Михельсона. Он догнал его только на Калужской площади, у штаба Красной гвардии Замоскворечья. И как раз в тот момент, когда руководитель военно-революционного комитета профессор Штернберг, в кожаной куртке, перепоясанный маузером, объявил:

— Кто не чувствует в себе сил идти на смерть, пусть выйдет из строя! Предупреждаю: операция по очищению мостов от противника будет нам стоить больших жертв. Юнкера, захватившие мосты, будут драться за них насмерть...

Никто не вышел из строя. Раздалась команда.

Отряд завода Михельсона беглым шагом направился к мостам. В первом ряду шёл Уваров. Там Павлик увидел почти всех комсомольцев. Секретаря ячейки Сашу Бакланова, его неизменного друга Ваню Чистякова, Семёна Рогосика. В первой шеренге шагал сегодня очень суровый, не улыбающийся Саша Киреев. Павлик хотел пристроиться к нему, но не удобно бежать рядом, как мальчишке, забегая сбоку, — пришлось приотстать.

С кремлёвских стен юнкера так и сыпали из винтовок и пулемётов. Над Замоскворечьем, как грозные стрижи, свистели пули.

Белые обстреливали подходы к мостам, которые им удалось захватить. Они ожидали казачьи войска, шедшие к ним на помощь.

Но михельсоновцы знали в своём районе каждый закоулок и, не понеся потерь, прошли к Малому Каменному мосту. Неожиданно для белогвардейской заставы они ворвались на мост — и врукопашную!

Впереди бежал Саша Киреев. Он бесстрашно бросился на опешивших юнкеров, увлекая за собой комсомольцев. Бакланов, Чистяков, за ними остальные сбили юнкеров с моста.

— Вперёд! На Большой Каменный! — крикнул Киреев, и тут вражеская пуля сразила его.

Впервые видел Павлик смерть так близко. Он бежал рядом. И тоже упал, словно пуля попала в него. Киреев лежал, прижавшись щекой к камням мостовой.



— Саша! Саша! — говорил Павлик, пытаясь поднять друга. Но Саша стал тяжелее свинца.

— Вперёд на Большой Каменный! — произнёс он последним дыханием.

И, выполняя его волю, Павлик бросился вперёд, стреляя на бегу, как это делали красногвардейцы.



Выбить юнкеров с Большого Каменного не удалось. Слишком сильно били с кремлёвских стен пулемёты. Зато михельсоновцы захватили здание трамвайной силовой электростанции и депо. Это были надёжные крепости. С башни депо, установив пулемёты, красногвардейцы открыли огонь по бойницам кремлёвских стен.

Связались по телефону со штабом. Штернберг приказал: немедленно и во что бы то ни стало закрыть выход с моста. Устроить баррикаду. Использовать трамвайные вагоны. «Юнкера обязательно попытаются прорваться к электростанции — ведь это энергия, свет!»



Трамвайщики быстро выкатили две платформы, уложили на них мешки с песком, за укрытием поставили пулемёт. Бойцы пристроились с винтовками и гранатами...

Как раз в это время на мосту показался грузовик, полный юнкеров в серых шинелях, с винтовками. Они мчались к электростанции.

— Огонь!

Грузовик пытался развернуться, но пули красногвардейцев уже в моторе. Юнкера — на мост, бегут, спасаясь, по Софийской набережной. А вдогонку — михельсоновские парни. Хватают брошенные винтовки, патроны, берут в плен юнкеров.



С первыми пленными и трофеями Уваров отправляет в конвое Павлика Андрея.

— Смотри в оба! Это важнейшее задание — доставить в штаб «языков»!

Павлик горд. Ведёт белогвардейских молодчиков строго, штык в спину, палец на курке.

— Шагай веселей! Не оглядывайся!

— Ну вот, — вздохнул Уваров, — удалось отправить мальчишку в тыл, уж очень бесечно храбр, убьют зря... А жалко, такой чудесный мальчишка... Пригодится для будущего.

В штабе пленным обрадовались.

— Смотри-ка, какие опытные вояжи, настоящие военные, подтянутые, в шинельках с иголочки, без пяти минут офицеры — и захвачены в плен нашими малоопытными в бою рабочими. Хорошее начало! Две стычки, и обе в нашу пользу. Очищен Малый Каменный, отбит налёт на электростанцию.

Штернберг доволен.

Юнкера прикидываются овечками.

— Мы не стреляли. Мы просто ехали на грузовике. Это ваши открыли стрельбу первыми... Мы не сопротивлялись, мы просто побежали от пуль... Мы ни в чём не виноваты. Отпустите нас. — Как бы не так, — сверкает очками Штернберг, — не притворяйтесь, господа, попадись наши вам в руки, вы бы подняли их на штыки!

Юнкера, только что пытавшиеся держаться развязано, бледнеют и начинают давать сведения о гарнизоне Кремля, о наличии боеприпасов...

Штернберг замечает Павлика. Он понял, почему Уваров прислал его конвоиром... Штернберг в перерыве между допросом и телефонными звонками грозит Павлуше пальцем:

— Смотри, Арбуз, под пулями не катайся, продырявят вот эти молодчики! Их обучили меткой стрельбе, но не научили человечности.

Павлик вспомнит слова профессора потом, когда один из таких вот чистеньких офицеров убьёт Люсик Люсинову.

Допросив юнкеров, их решили отпустить, если они дадут честное слово больше не поднимать оружие против народа.

Но в это время поступило донесение, что белые снайперы убивают сестёр милосердия, перевязывающих раненых красногвардейцев.

— Кто из вас честнее других? — спросил Штернберг пленных.

Сынки помещиков, кулаков, купцов и фабрикантов переглянулись и не ответили.

— Выберете одного, кто не способен совершить подлости по отношению к вам же. Он пойдёт к своим и передаст: если они не прекратят стрельбу в наших сектёр Красного Креста — будут отвечать перед судом победившего народа! Один идёт, остальные останутся заложниками. Ясно, господа!

Юнкеров оставили одних в комнате. Они долго спорили, кричали, ругались между собой, и кончилось тем, что так и не выбрали надёжного парламентаря, который бы не сбежал и не подвёл своих заложников.

Профессор горько усмехнулся.

— Кухаркины дети, которых вы не желали пускать в университеты, мне были всегда милей вас, умничающих опухов,— пробормотал он и отвернулся от пленных, сказав:— В подвал их. После разберёмся...

Павлик был оставлен при штабе.

Он бы не исчез из поля зрения желавших сохранить его жизнь большевиков, если бы не услышал разговор Штернберга по телефону с начальником боевого участка на Остоженке.

— Вы помните, товарищ Добрынин, что выполняете главнейшую задачу: окружить и уничтожить штаб московского военного округа, это осиное гнездо слетевшейся в Москву белогвардейской военщины. Да, да. Окружите их баррикадами. Главное, отрежьте все пути отхода к Кремлю. Трудно? Тяжело? Нужны подкрепления... Знаю, знаю... Но что делать, вы должны совершить даже невозможное. Таков приказ пролетарской революции!

Профессор улыбнулся— по видимому, Добрынин ответил ему уверенно и бодро.

О, это был замечательный парень, Добрынин! Рабочий с телефонного завода, он частенько проходил по улицам, и все мальчишки знали его лихо заломленную форменную фуражку, чуб выющихся золотистых волос, весёлые глаза.

Выдвинулся он в командиры благодаря своей какой-то особой воинской жилке, какому-то покоряющему бойцов удалству. За таким не страшно в огонь и в воду.



Настала ночь. Никто не спал в штабе. Непрерывная стрельба стояла над Москвой. Все улицы, занятые красногвардейскими отрядами и красными солдатами, освещены. Кремль. Театральная площадь, занятый белыми центр города погружены во мрак.

Монтёры центральной электростанции, в захвате которой участвовали михельсоновцы, сумели, рискуя жизнью, отключить свет во всех зданиях и улицах, захваченных белогвардейцами. И только наши отбивали улицу или дом, монтёры включали в них свет, и это служило сигналом. Каждый различал — где наши, где белые.

Павлику предлагали лечь вздремнуть. Но где там! Сон не шёл к нему. Перед глазами то вставало бледное лицо Саши Киреева и в ушах звучали его слова: «Вперёд, на Каменный!», то лицо Люсик Люсиновой, добрый взгляд её близоруких глаз... «За будущее надо сражаться!»

Несколько раз он порывался бежать туда, где шёл бой, чтобы самому, своей рукой, из своей винтовки отомстить за гибель своих лучших друзей. Но разные поручения удерживали его в штабе.

Может быть, он остался бы и дальше, если бы не тревожное сообщение от Добрынина. Белогвардейцы из штаба московского военного округа перешли в наступление, потеснили наших бойцов. Велики потери. Нужны подкрепления. На исходе патроны.

После этого Павлик исчез. Больше не видели в штабе прикомандированного от михельсоновцев бойца Павла Андреева.



На баррикаде, перегородившей Пречистенку, которую защищали рабочие и солдаты 193-го пехотного полка, появился шустрый мальчишка.

Никто не спросил его, кто он, откуда, зачем явился на баррикаду. По всему чувствовалось, что это свой, рабочий паренёк, безотказный, привыкший где-то в заводском цехе выполнять все просьбы старших рабочих.

И вскоре только и слышалось:

— Мальчик, подай патроны!

— Мальчик, принеси бинт!

— Мальчик, вот чайник, дуй за кипятком!

Весь вид его — взъерошенный воробей, да и только! — вызывал солдат и рабочих на шутку:

— Брось винтовку, а то потеряешь!

— Давай менять, парень, винтовку на пистолет, к которому патронов нет...

В ответ мальчишка только смеялся и удивлял солдат: метко стрелял из винтовки по окнам этажей, где засели белогвардейцы.

Павлик интересовался всеми. Привлёл его внимание хмурый бородатый солдат. Солдат не спеша, степенно целился, стрелял только наверняка, высматривая офицерские фуражки среди гардин и занавесок за подоконниками богатых квартир. Сбив фуражку и попав в офицерский лоб, солдат довольно кричал и неодобрительно поглядывал на дырки от пуль в своей высокой папаше...

— Дяденька, а ведь и убить могут... Ты ведь из деревни... Зачем сюда пришёл? — приставал к нему мальчишка.

— А затем я здесь, что мне тут удобней управляться с помещичьими сынками, не пустить их по имениям. Здесь-то я совместно с рабочими их легче побую, чем в деревне с одними мужиками. Понял?

— Теперь понял, — отвечал мальчуган, — ты, дядя, хитрый!

— Вот то-то, и ты хитёр, — гладил его солдат по русой голове огромной пятернёй.

Заинтересовал Павлика и молодой подтянутый офицер в белых перчатках, в начищенных хромовых сапогах, словно сошедший с картинки.

Он бесстрашно выходил под огонь белых и прохаживался по тротуару, покуривая папироску.

Высмотрев, где у них пулемёты, устанавливал цель для гранатомёта, имевшегося на баррикаде. И солдаты по его команде гасили один белогвардейский пулемёт за другим.

Он был весел и насмешлив. Он не давал солдатам покоя, всё время приказывал. Одним — занять крышу высокого дома. Другим — залечь за мешками с песком в тёмной подворотне. Третьим — перебежать дорогу под огнём и занять позиции за оградой церкви. И всё это вежливо, на «вы».

И старые вояки, иные хоть и ворча, слушались этого безусого офицера. Под его команду бородачи пошевеливались так быстро, что Павлику даже стало смешно.

— Дяденька, — спросил он мужика богатырского роста, — чего это вы его так слушаетесь? В других полках вон всё офицерёй прогнали.

— Сами выбрали, вот и слушаемся, — улыбнулся солдат. — Он у нас боевой, наш Алексей Алексанч... Выбранный нами командир, товарищ Померанцев.

Последние слова, произнесённые с уважением, ещё больше разожгли любопытство Павлика, и он с бесцеремонностью заводского мальчишки спросил офицера:

— Дяденька, какая у вас интеллигентская фамилия! И почему вы с нами? Все офицеры и генералы там, — махнул он рукой в сторону штаба.

— Вот почему я и здесь, малыш: там офицерья и без меня хватает! — отшутил офицер и, потрепав Павлика по щеке, закончил ласково: — Так-то, малыш, мы с тобой должны быть там, где народу нужней!

Павлик не успел обидеться за слово «малыш», как офицер уже ринулся к какому-то человеку в штатском, бежавшему ему навстречу с радостными возгласами.

— Вот здорово, что вы склады-то захватили! Худо господам офицерам. Курят даже под огнём, заглушают голод папиросками, — сказал он, пожимая руку офицера.

— Без продовольствия господа офицеры долго не выдержат. Это не наш брат, солдат, — усмехнулся бородач, радуясь воинскому предвидению своего выборного командира, прежде всего отбившего у белогвардейцев продовольственные склады близ Крымского моста.

Взглянув на штатского, Павлик едва узнал в этом человеке командира замоскворецких красногвардейцев Добрынина: плечо пиджака разорвано и окровавлено. Один ботинок разодран, а вместо другого — калоша, подвязанная верёвочкой. Но глаза сияют, щёки горят, словно Петя Добрынин не в бою, не под пулями, а на каком-то необыкновенном празднике.

— Прислали бы связного, — оглядывая его, встревоженно сказал Померанцев. — Вы, кажется, ранены?

— Пустяки, одна шальная пуля немного задела плечо... Мне нужно с вами посоветоваться, как замкнуть клещи, — сказал Добрынин, любивший везде поспевать сам.

— Это не ваш мальчишка болтается здесь под пулями? — офицер указал ему глазами на Павлика, но взгляд Добрынина встретил только пустое место. Павлик испарился.

Пока командиры двух отрядов обсуждали, как им взять штаб контрреволюции в клещи, Павлик не зевал. Он уже на Остоженке. На баррикаде, среди знакомых рабочих и солдат 55-го полка. Никто не гонит его, думают: наверно, командир разрешил.

И вскоре он на баррикаде не только свой, не только не лишний, а необходимый парень.

Он по приказу своего сердца пришёл на помощь на самый трудный участок и принёс с собой не только ещё одну лишнюю винтовку, но и всю свою беззаветную мальчишескую храбрость, умиляющую старых солдат и подстёгивающую молодых красногвардейцев.

— Мальчик, покарауль винтовку!

— Мальчик, постреляй из моей, я перекую!

— Мальчик, подежурь у патронных ящиков, я в момент, погреюсь. Если что — свистни!

Понеся большие потери при попытках взять баррикаду, офицеры и юнкера не решаются штурмовать вновь. Ведут редкую перестрелку. Сейчас красногвардейцам можно и передохнуть, погреться в тёплой чайной.

Пронзительный сырой ветер дует из переулка. Холодный дождь моросит непрерывно, переходя в снежную крупу. Зябко плохо одетым рабочим-красногвардейцам, зябко в отсыревших шинелях солдатам. И вот один за другим ныряют бойцы в чайную Юхтина. Здесь тепло от дыма, здесь горячий чай в больших чайниках.

И как-то получилось, что на баррикадах остался Павлик и двое красногвардейцев.

Так вот случилось, что баррикада, предоставленная на волю солдат и крас-

ногвардейцев, вдруг опустела. И этого не заметил ни отлучившийся Добрынин, ни белогвардейцы. Потому что баррикада продолжала вести огонь.

И никто не мог бы подумать, что это палят вовсе двое красногвардейцев и Павлик.

И белогвардейцы думали, что баррикада действует в прежнем составе.

Так Павлик мог продолжать без конца, если бы белогвардейцы не начали новой атаки. Они сумели поставить пулемёт, бьющий вдоль окопа с фланга. Хорошо, что красногвардейцы заняли крайние дома, огонь пулемёта не доставал немного до окопа, и пули летели зря, мимо бруствера, обметая его, как веником.

Но белогвардейцы вообразили, что под прикрытием пулемёта им легче будет захватить баррикаду. Они поднялись и пошли в атаку.

Увидев такое, Павлуша издал условный призывной свист, вызывая бойцов из чайной, и засновал по окопу ещё быстрее, ускорив пальбу из винтовок до удивительной частоты.

И тут его торопливость привела к беде. Собственная винтовка, добытая с таким трудом, вдруг выскочила из рук и перевалилась через бруствер. У Павлика потемнело в глазах, ему показалось, что руки всех беляков тянутся к его драгоценной, к его заветной винтовке, которая сделала его бойцом, помогла встать в красногвардейские ряды, привела на славную баррикаду. Не раздумывая, он выскочил из окопа и, скатившись с бруствера, подхватил своё оружие.

Заметив его, белогвардейский пулемётчик дал прицельную очередь, и множество пуль пронзили тело мальчишки. Он не почувствовал боли, ему показалось, что его вдруг опустили в кипяток и тут же вынули. Открыв глаза, он увидел над собой лицо богатырского солдата, добрые серые глаза, наполненные слезами.

— Тише, Арбуз, потерпи, Арбузик, я сейчас, я бегом, вот тут и госпиталь недалеко. И мне руку перевяжут, и тебя спасут!

Солдат нёс его на руках, сгибаясь от свиста пуль, напрямик к ближайшей больнице. И доставил мальчишку ещё живым в руки доктора. И так горячо просил выходить Арбузика, юного красного ге-

роя, спасшего баррикаду, что все врачи и сёстры больницы загорелись желанием спасти его от смерти.

И это им почти удалось. Аккуратно они зашили его многочисленные раны, все сквозные пулевые отверстия в груди закрыли тампонами, пытались спасти повреждённый пулей глаз. На третий день их пациент пришёл в себя.

И первым, кого он увидел, был тот самый офицер, которого он спрашивал, почему он не с белыми, а с нами. Бледный, забинтованный, он тоже узнал мальчика и, погрозив пальцем, шепнул:

— Что, допрыгался, Арбуз? Лежи тихо — поправишься.

Навестить Павлика пришли боевые товарищи с завода Михельсона. С ними секретарь партийной организации завода Николай Васильевич Стрелков.

Павлик обрадовался, увидев своих, но его поразила и насторожила необыкновенная тишина. Не было слышно стрельбы, почему всё смолкло на улицах Москвы?

— Что, военный округ взят? Мы победили?— спросил он, приподнимаясь с подушки.

— Конечно, мы победили! Военный округ взят вместе со всеми генералами белогвардейского штаба. Офицеры и юнкера в Кремле сдались.

Павлика словно подбросила рвущаяся через край радость. Он вскочил на постели и со всей мальчишеской силой крикнул:

— Ура!

От этого усилия из сквозных ран на груди выскочили тампоны, кровь хлынула ручьями — и переполненное счастьем сердце Арбуза остановилось. Смерть наступила так внезапно, в такую радостную минуту, что Павлик умер с улыбкой на лице.



Именем юного героя назван Москворецкий районный Дворец пионеров. В Москворецком районе есть улица имени Павлуши Андреева.



Алёша КУЗНЕЦОВ



Алёша высыпал в карман прохожему стакан семечек и снова закричал:

— Семечки калёные! Кому семечки?.. — а потом тихо проговорил: — Чтоб они провалились! Тьфу, кек надоели.

Солнце печёт вовсю, на улице жарится, а Алёша стоит неподалёку от трактира, на шаг отойти не смеет. — Семечки!.. Купите семечки!..

Нет, сегодня не везёт. Неудачный день. Кричи не кричи, а покупатель не идёт...

На той стороне улицы расположилась Лукерья. Возле неё — тоже мешок с семечками.

Алёша то и дело поглядывал на Лукерью, ждал что она вот-вот крикнет ему: «Алёшка, пошли домой». Но Лукерья, хоть и не было покупателей, уходить, видимо, не собиралась. «Ей-то хорошо, — думал Алёша, — сама в тени устроилась, а меня на самую жару выставила. Плюнуть бы да уйти на реку».

Только знает он, нельзя уйти. Мать просила: «Сходи с Лукерьей. Может, гривенник заработаешь». Да хоть бы и не просила, Алёша сам понимает: мать больна, сестра Лена работает целый день на фабрике, а получает гроши. На хлеб и то не всегда хватает, а чтобы лекарство купить — и не думай даже.

Вот и приходится идти с Лукерьей семечки продавать.

Лукерья жадная. За пять проданных стаканов даёт Алёше копейку. Но что поделаешь — семечки-то её.

— Семечки калёные!.. Купите семечки!..

Наконец-то подошли двое покупателей. Один — парень лет четырнадцати, длинный, с маленькой головкой на тощейшее, другой — чернявый с юркими глазами, года на два помоложе...

— Почём? — спросил длинный и кинул в рот несколько семечек.

— Стакан — копейка.

— Насыпь. — Длинный оттянул карман у чернявенького.

— Сколько?

— Сколько войдёт. Алёша насыпал три стакана — полный карман.

— Наше вам с кисточкой, — кривляясь, сказал чернявенький и отбежал шагов на десять. — А деньги? — растерялся Алёша и тут же схватил парня за рукав. — Плати!

Но парень сбросил Алёшину руку.

— Ты что — спятил?.. Я ж его не знаю.

Алёша кинулся к чернявенькому, но тот бегать был мастак. Он то подпускал Алёшу совсем близко, то легко уносился вперёд.

Алёша вспомнил о мешке, что остался на месте. Обернулся и увидел, как длинный парень убежал с этим мешком. За ним неловко семенила Лукерья. Она кричала на всю улицу:

— Стой, ирод... Стой! Караул!.. Ограбили! Но парень нырнул в подворотню и исчез.



После того случая Лукерья не брала с собой Алёшу.

Мать сначала охала да ахала. Мальчонка-то вроде при деле был, на кусок хлеба зарабатывал. А как же теперь?

Помогла подруга Лены. Её брат был подмастерьем в сапожной мастерской. Он-то и пообещал уговорить хозяина, чтобы Алёшу взяли учеником.

— Ну, Алёша, — обрадовалась мать, — старайся. Иди, милый. Хозяина слушай. Научишься сапоги шить — человеком станешь, не будем нужды знать.

Хозяин мастерской Михей Михеич встретил Алёшу равнодушно.

— А, пришёл, — сказал, он, бегом взглянув на мальчика, — ну, ступай на кухню!..

«Сейчас покормят», — подумал Алёша. Но на кухне его заставили чистить картошку, потом он мыл посуду, колот дрова, выносил помойные ведра, бегал за водой. Покормили его только к вечеру.

Потянулись день за днём: картошка, посуда, дрова... Про учёбу хозяин и не вспоминал.

Сапожным делом в мастерской были заняты всего два человека: сам хозяин да подмастерье Фёдор, что устроил Алёшу в мастерскую. Фёдор жил здесь же при доме, в крохотной каморке. Он почти один выполнял всю работу в мастерской. А хозяин часто был пьяным, долго не приходил в себя, ругался; руки у него дрожали, всё из них валилось...

Жена хозяина бродила по дому сонная, следила за Алёшей да кричала на него.

К вечеру Алёша еле держался на ногах.

Когда мальчик присаживался на минутку отдышаться, хозяйка спрашивала:

— Устал небось?

— Устал, — признавался Алёша.

— Так ты же не задарма у нас хлеб ешь.

Однажды Алёша не выдержал:

— А когда же меня учить будут? — спросил он.

— Чему учить-то?

— Известно чему, сапоги шить...

Хозяйка всплеснула руками.

— Вон ты какой? Тебя кормят, а ты...

Пойду пожалуйюсь Михей Михеичу.

Вернувшись, она сердито взглянула на Алёшу и сказала:

— Иди, сам зовёт. Алёша прошёл по захламленному коридору, открыл дверь в небольшую комнату, где сильно пахло кожей и краской.

Кроме хозяина, в комнате — её называли «приёмной» — сидел на табуретке Фёдор. Он приветливо взглянул на Алёшу.

Но хозяин был настроен мрачно.

— Явился, ученичок, — сказал он, — пристраивайся вон к Фёдору. Смотри, что он делает. Учись...

Алёша стал бывать в «приёмной». Вскоре он уже мог скручивать дратву — прочную нитку, которой сшивали кожу, точить сапожные ножи и шила, варить клей, колоть деревянные гвоздики из дубового чурбака.

Хозяин спрашивал строго. Чуть что не получалось, он злился, кричал: «Дармоед проклятый» и бил Алёшу.

Но когда Алёшка и Фёдор оставались одни, подмастерье показывал, как нужно работать шилом и молотком, как резать и кроить кожу.

Алёша теперь и сам видел, что вся работа в мастерской держалась на Фёдоре: он и заказы принимал, и старую обувь чинил, и шил новую, и куда-то за материалом ездил.

Фёдор всё больше и больше нравился ему. У Алёши дух замирал, когда он смотрел, как ловко прибывает Фёдор подмётку деревянными гвоздиками. Фёдор держал их во рту, прижимая губами. Вынимал по одному, приставлял к подмётке и быстро — раз! — не успеешь моргнуть, вгонял их одним ударом.

С посетителями Фёдор был внимателен и вежлив. Он брал в руки сапог и говорил: «Стало быть, каши запросил? Ну ладно, покормим»... И озорно подмигивал Алёше.

Заказчики приходили разные. Одни отвечали на шутку шуткой, другие говорили неохотно, сердито, третьи всё торговались из-за цены.

Некоторые из заказчиков время от времени вновь навещали в мастерскую. Одного из них, студента Костю, Алёша уже знал. Костя обычно появлялся, когда хозяина в доме не было. Он давал Алёше пряник или высыпал ему горсть орехов. «Подсласти, Алёша, свою жизнь, — приговаривал студент. — Вижу она у тебя не очень-то сладкая». — «Ни-

чего, — вступался Фёдор, — он у нас парень крепкий, выдюжит».

Костя хмурился: «Кровопийца ваш Михай Михеич, как и все хозяева. Сосёт и сосёт. Всё ему мало». — «Наш-то Михай Михеич что! — отзывался Фёдор. — Комарик против других. Жалкий комарик. Ему одного щелчка хватит. Посмотрел бы, как на заводах да на фабриках из нашего брата соки выжимают...»

Костя кивал головой и уходил с Фёдором в его каморку.

«Отчего это студент быстро всё снашивает, — удивлялся Алёша, — так и таскает свёртки с башмаками. Фёдор небось еле чинить успевает».

Однажды, когда Алёша выбивал во дворе хозяйские половики, через калитку вошёл дворник с двумя жандармами.

Алёша замер. С чего бы такие гости заявили?

— Алёша, — услышал он приглушённый голос, — иди скорей сюда.

За порогом в полутёмном коридоре стоял Фёдор.

— Это за мной! — шепнул он. — Наверно, обыск будут делать.

— За что? — вырвалось у Алёши.

— Потом узнаешь. Сейчас некогда. Слушай, возле кухни у тебя ведро с очистками стоит...

— Да, — шепнул Алёша.

— Я сунул туда под очистки две книги и ещё свёрток с бумагами. Передашь всё Косте. Понял? — Фёдор сдвинул Алёше плечо.

— Понял, — растерянно сказал Алёша, — передать Косте.

— И никому ни слова. Прощай, друг, может, свидимся.

Через несколько часов, после того как жандармы переворошили в доме всё вверх дном, Фёдора увели.

Вечером, когда в мастерскую зашёл один из заказчиков, Алёша услышал, как хозяин объяснял:

— Дворник сказывал, что Фёдор мой против царя-батюшки шёл. Его на каторгу упекли, а он убёг. Как есть убёг. Искать-то не первый год искали, да всё найти не могли. Фамилия у него вторая есть — Неуёмов.

На третий день в мастерской появился Костя. Он забрал у хозяина башмаки, а уходя, незаметно махнул Алёше.

Алёша передал ему в коридоре книги и свёрток.

— Благодарю, — шепнул студент, — никто об этом не знает?

— Никто. А правда, что наш Фёдор против царя был? — Алёше даже стало страшно от своего вопроса.

— Правда.

— А зачем?

— Чтоб таким, как ты, жилось лучше. Ну, я пойду. Мне задерживаться нельзя. А тебе мой совет: уходи от Михай Михеича.



После того как забрали Фёдора, хозяин не звал Алёшу в мастерскую, хотя работы и прибавилось. Хозяин злился на всех. А если Алёша подворачивался под руку, то бил его чем попало.

Алёша решил уйти от сапожника.

Домой в тот день он не торопился — знал, как его там встретят. Мать расплачется: ведь как-никак, а у Михея Михеича он кормился.

Алёша шёл, останавливаясь возле лавок, посматривал на прохожих, прислушивался к чужим разговорам.

У самого дома повстречал шарманщика. Вокруг него стояли ребятишки. Шарманщик крутил блестящую ручку и хрипло пел:

«Разлука, ты, разлука.

Чужая сторона...»

И вдруг откуда-то неожиданно ворвался мальчишеский голос:

— Война!.. Война!.. Война!..

Шарманка всхлипнула и умолкла. Все повернулись к мальчишке.

— Какая война?

— Чего орёшь, дурень? — шарманщик вытер платком пот со лба.

— Ей богу, война, — затараторил мальчишка, — с германцами... Наш Архип сказал, мы ихнего царя... как его... Кайзера — в лепёшку.

Айда, ребята, к казармам... Ура-а-а!..

Вместе со всеми побежал и Алёша.

На широком поле, что раскинулось возле казарм, обучали солдат. То и дело слышалось: «К но-ге!», «На пле-чо!», «На кара-ул!»

Вокруг солдат теперь каждый день собиралась целая орава мальчишек. «Шагом арш» — звучала команда, и мальчишки двигались вслед за солдатами. «Рррота, стой!» — и все замирали. «Ррразойдись!» — и мальчишки бежали к солдатам, просили потрогать винтовку, а кто посмелее, пробовали пальцем — хорошо ли отточен штык. На мальчишек кричали, прогоняли, грозились «оторвать уши» — всё было напрасно.

Алёша не маршировал с солдатами. Ему было уже двенадцать лет, и он считал, что игра в солдаты не для него. «Вот попасть бы на фронт! Тогда бы...»

«Нет, пока не кончилась война, нечего терять здесь время. Нужно ехать на фронт. Только как? Что придумать?»

И Алёша стал ходить на вокзал.

С запасных путей отправлялись поезда на фронт. Возле вагонов была суета. Солдаты всё время грузили какие-то ящики, тюки, втаскивали на платформы повозки и обозные телеги...

Иной раз Алёша и сам помогал. Он так привык к солдатам, что уже не мог дня провести без них.

Шли месяцы. Наступила зима. Потом весеннее солнце растопило снег, а война всё продолжалась. Новые и новые поезда с новобранцами уходили на фронт. Алёша по-прежнему пропадал целые дни на путях. Он сам уже стал походить на маленького солдата. Кто-то дал ему за усердие солдатскую одежду. Мать подогнала её по росту. Раздобыл Алёша и котелок, ел теперь из него вместе с солдатами, пел их песни.

Когда же Алёша заводил разговор, что хочет на фронт, то солдаты начинали гоготать. — Ну чего скалитесь? — сказал однажды усатый унтер с двумя «Георгиями». — Я помню, в соседнем полку у нас на фронте был у поручика казачок. Такой же парнишка. Тебе сколько?.. Четырнадцать будет?

— Так точно! — гаркнул Алёша.

Новобранцы загрохотали.

— Так вот, вы ещё немецкого порошу не нюхали, — сказал солдатам унтер, — а тот казачок и в атаку со всеми ходил, и в разведку... А из пулемёта как жарил!..

Слова эти натолкнули Алёшу на дерзкую мысль: «А что если попробовать?..»

На следующий день, когда тронулся в путь какой-то воинский состав, Алёша подбежал к вагону и вскочил на подножку.

— Куда?! — закричали солдаты. — Сигай назад!

Но Алёша уже влез в вагон.

— Да я же... я с нашего полка, — сказал он, — я казачок у поручика Синельникова. Моя фамилия Кузнецов.

— Какого, говоришь, полка? — спросил кто-то.

— Семьдесят первого, — не растерялся Алёша, вспомнив полк, отправившийся вчера.

— Эх ты, растяпа! Отстал от полка. Небось у мамки блинов объелся?

— Ага, — кивнул Алёша.

Солдаты рассмеялись.

Семьдесят первый полк, конечно, не нагнали. Так Алёша и остался у солдат четвёртой роты восемьдесят пятого стрелкового полка, который направлялся в Польшу под Варшаву!



Шёл 1915 год.

В окоп влетел ефрейтор.

— Гриненко! Дедов! Кузнецов! В «секрет»!

Алёша вместе с двумя солдатами ползёт менять дозорных на передовые посты.

На фронте затишье. Не слышно выстрелов. Казалось бы, зачем ползти по снегу ночью? Но Алёша — уже опытный боец, полтора года воюет, знает, как обманчива бывает тишина.

Вот и пост. Здесь, возле засыпанного снегом пенька, на несколько часов останется Алёша. Будет наблюдать за врагом. А враг совсем рядом. Сразу же за речушкой первая линия австрийских окопов. Иногда слышно, как там что-то поют. Алёша видел пленных австрийцев и немцев. На них было жалко смотреть — оборванные, голодные...

Солдат Дедов говорит, что они такие же мужики, как и русские, только лопочут по-своему. «Их, — пояснял Дедов, — Вильгельм да господи ихние на войну по-

гнали, а нас — царь да наши господа. Как ни крути, получается, война господам нужна. Солдаты для них новые земли своей кровью добывают».

Чудно говорил Дедов. Не всё понятно. Алёшу никто на фронт не гнал, он сам захотел сражаться с врагами. Да только получается что-то не так, как представлял себе Алёша. «Офицеры пьянствуют, в карты играют, а солдатские кухни часто не топят — ни тебе обеда, ни ужина. В третьей роте стали солдаты требовать, чтобы им паёк выдали — их арестовали да на военно-полевой суд. А там приговор известный — расстрел. Что же выходит — своих и стрелять? А за что? Нужно расспросить Дедова».

Алёша неловко повернулся в окопчике — сполз с плеч овчинный тулуп, которым накрывались все, кто приходил «в секрет». Без такого тулупа и часу не выдержишь, замёрзнешь.

Накинув тулуп, Алёша замер, прислушался. Тихо. В австрийских окопах перестали петь. «Спать завалились, черти», — подумал Алёша и сладко зевнул.

Темно. Луну заволокло тучами. Алёше казалось, что при луне холоднее, и он был рад, сейчас её нет. Без луны, правда, плохо видно. Но Алёша глазастый. Вот там, на самом берегу, два дерева — их еле различишь, а между ними несколько пеньков, как снежные шапки — их пока и вовсе не видать.

Из-за тучи вынырнула луна. Снег засветился, стал голубым. Вон они и два дерева, вон они и пеньки... «Постой-ка! Отчего же их так много стало? Австрияки! — мелькнула в голове догадка. — В белой одежде ползут». Алёше сделалось жарко. Скинул тулуп, щёлкнул затвором. Пеньки не движутся.

Снова нашла тучка. А как выглянула луна, Алёша ахнул: пеньки ещё ближе.

«Бах!.. Бах!.. Бах...» — Алёша сделал подряд три быстрых выстрела. Сигнал для дозорных.

Пеньки не шелохнулись. Тогда Алёша прицелился в крайний пенёк и стрельнул ещё раз. Вслед за выстрелом раздался крик. Алёша увидел, как несколько вспышек сверкнули среди пеньков, и тут же он почувствовал, как в плечо ему ударило что-то тяжёлое и горячее.



Слева забил пулемёт. «Гриненко», — подумал Алёша и потерял сознание.

В ночном бою с отрядом австрийских разведчиков был ранен и солдат Дедов. С неделю пролежали он и Алёша в полковом лазарете, после чего их доставили с обозом на станцию. А там уже поместили в санитарный поезд.



Поезд продвигался медленно. Он больше стоял, чем шёл. Везде его отправляли в последнюю очередь. «Куда им спешить? — говорило начальство на станциях. — Отвоевались».

Рана у Алёши была нетяжёлая, подживала. У Дедова дела были хуже. Пуля пробила ему лёгкое. У него часто поднимался жар. Дедов сбрасывал одежду, хотя в вагоне стоял холод — печурку топили раз в день.

Алёша накрывал Дедова, подавал кружку с водой, приводил фельдшера.

Когда Дедову легчало, Алёша любил поговорить с ним. Дедов отвечал обстоятельно, подумав, на Алёшу смотрел, как на равного.



А то и сам расспрашивал у Алёши про его жизнь.

— Да, — говорил Дедов, — нелёгкая у тебя была житуха. Все норовили на твою шею сесть: и Лукерья, и Михей Михеевич, и даже, видишь, — Дедов понижал голос, — царь соизволил.

— Как царь? — пугался Алёша.

— А очень просто. За кого же ты свою кровь пролил? Скажи!

Алёша не знал, как ответить. Вспоминались офицеры. «За бога, царя и отечество! — говорили они солдатам. — Не посрамим оружия русского». Но дальше слов дело не шло. Офицеры не очень-то рвались в бой, а награды и чины получали, попойки устраивали.

Про солдат же, оборванных и голодных, никто не вспоминал.

Теперь Алёша часто задумывался. Ну вот и попробовал он всего: и солдатские чёрствые сухари жевал, и порох нюхал, и даже австрийского свинца получил «на память» — только к чему всё это..

Смотрит Алёша на деревни, проплывающие за окном, покинутые, почти засыпанные по крыши снегом, и берёт его

тоска, и вспоминает он свой дом — такой же бедный, такой же убогий.

Боль и обида захватывали его. Алёша сжимал кулаки.

Ещё когда в полку был, он слышал, как солдаты говорили о большевиках. Говорили всякое. Кто они, какие они — толком никто не знал, но разговор о них заходил всё чаще и чаще. Алёша слушал и не понимал, что это за люди такие — большевики. Один солдат говорил, что большевики — «очень огромные люди, великаны, за то их и прозвали так». Дедов говорил, что большевики ростом самые обыкновенные, «ну вот вроде меня», а главное — они за трудовой народ вступились. Когда про большевиков у полкового попа спросили, тот пугливо перекрестился: «Гореть им в аду! Они свои души нечистому продали!»

В последнюю ночь, перед тем как отправиться в «секрет», Алёша слышал — в ротах поднялось волнение. По рукам ходили какие-то листки. Солдаты говорили, что эта газета большевиков — «Правда» и пишет в ней самый главный большевик — Ленин. Офицеры бежали с револьверами в руках, кричали про «агитацию».

— Это что же будет, агитация-то? — спросил Алёша у пулемётчика Гриненко.

— Спроси вон у Дедова. Он всё знает, и про агитацию, и про большевиков. А может, он и сам в большевиках ходит, ты спроси...

Стучат колёса поезда. Неделью стучат, две, три. А в голове у Алёши тоже стучит: «Спроси!.. Спроси!.. Спроси!..»

Прошла ещё неделя. И вот по вагонам объявили: «К вечеру поезд будет в Москве».

Все задвигались, стали собирать свои нехитрые пожитки.

«Если сейчас не спрошу, расстанемся с Дедовым, а я так ничего и не узнаю», — подумал Алёша. И он совсем было уже решился, но тут поезд замедлил ход, стал приближаться к какому-то полустанку.

А на полустанке полно народу. Все что-то кричат, поют, в руках у многих красные знамёна, лозунги. Кто-то вслух стал читать: «Да здравствует революция! До-лой войну!»

Все зашумели: почитай, мол, ещё почитай.

— Вся вла-сть наро-ду!

Поезд остановился, и все, кто мог, высыпали на платформу.

Алёша вернулся в вагон взволнованный.

— Ну что там, сынок? — чуть приподнялся Дедов.

— В Петрограде революция, царя сбросили, — выпалил Алёша.

— Откуда? — прошептал маленький солдатик с перевязанной головой.

Алёша раскрыл было рот, но ответить не успел.

— С престола, — быстро вставил Дедов.

— А война как же теперь? А армия?.. — опять спросил солдатик.

— Армия нам нужна, чтобы держалась власть народная. Эх, Алёша, как нас с тобой не вовремя угораздило!

Поезд тронулся. Раненые, что собрались возле Дедова, не расходились. Долго говорили о войне, о царе, о жизни городской и деревенской, спорили о том, какой должна быть народная власть.

И тут, когда все разошлись, Алёша, набравшись храбрости, спросил у Дедова:

— А ты, дядь Степан, большевик?

— Большевик, — спокойно сказал Дедов.

«Вот ведь как, — думал Алёша, — Степан — большевик! Узнай я про это раньше, испугался бы. А чего ж пугаться? Разве не Степан делился последним сухарём?.. А на том переходе в сорок вёрст, когда я уже не мог ноги передвигать, разве не Дедов взял мою винтовку, тяжёлую амуницию и всё потащил сам?.. А перед офицерами чуть что — кто вступался за меня, за других солдат? Опять Дедов! Нет, видеть, большевики — хорошие люди, что бы про них ни говорили».



Родной дом показался Алёше совсем маленьким. Дом словно сжался за эти два года, ссутулился.

Мать по-прежнему часто болела, с кровати поднималась ненадолго, быстро уставала. Лена всё работала на ткацкой фабрике. Она заметно переменилась. В ней как бы прибавилось задору. Она и говорить стала громче, и движения её стали уверенными, смелыми. Сестра

ходила в воскресную школу — обучалась грамоте.

— Не поздно за азбуку-то взялась? — решил подколоть Алёша.

— Да мне только двадцать пять, — бойко отвечала она, — иль за старуху принимаешь?

Алёша улыбнулся.

Плечо быстро подживало, и Алёша теперь всё думал, куда бы поступить на работу, советовался с Леной, с матерью.

— Не торопись, — говорила Лена, — я тут кое с кем покумекаю.

И вот однажды распахнулась дверь, и на пороге появился высокий, сутуловатый человек.

— Здорово, солдат, — сказал он и шагнул на свет. — Фёдор! — Алёша тут же узнал его.

— Покажись-ка, покажись, какой стал, — Фёдор принялся вертеть Алёшу. — А «Георгий»-то твой где?

— А ну их! — отмахнулся Алёша.

— Это ты зря. Ещё мой дед говаривал: «Солдата медаль красит». Ну, рассказывай, где воевал?

Допоздна засиделись они в тот вечер. Алёша рассказывал и про наступление, и про оборону, и про то, как в разведку ходил, и про то, как его ранили. Рассказал он и про санитарный поезд, и, наконец, про Дедова.

— Нет его больше, — проговорил Фёдор.

— Как? — вырвалось у Алёши.

— Умер Дедов. Хороший был товарищ, в наше дело крепко верил.

— В какое?

— В революцию.

— Это, когда царя сбрасывали?

— На царе, Лёха, дело не кончилось. Временное правительство Керенского заботится лишь о буржуях. А для рабочих и крестьян ничего не делает. С февраля, считай, полгода прошло. Война продолжается, вся земля по-прежнему у помещиков, фабрики и заводы у буржуев. В Петрограде была демонстрация. А правительство приказало стрелять по демонстрантам. Много было жертв. Теперь этого нельзя. Верно я говорю?

— Верно, — кивнул Алёша, — только что будем делать?

— Дадим Керенскому такого же пинка, как и царю. Нам не привыкать, а? — и он весело подмигнул. — Наш

час настаёт. Только нужно ещё немного сил поднабрать. А что касается тебя, то устройшься пока в обойный магазин. С владельцем я обо всём договорился, это наш человек, большевик.

— А что делать-то? Торговать обоями?

— Обои, Лёша, тут ни при чём. Это только так, для видимости. А дело вот какое...

И Фёдор рассказал Алёше, что в подвале магазина большевики устроили склад патронов. Время от времени в магазин привозят новые ящики с патронами. Нужно будет помогать переносить их, замуровывать в стене, вести учёт. — Патроны, Алёша, нам скоро пригодятся, — закончил Фёдор.



И час, о котором говорил Фёдор, настал.

Двадцать пятого октября 1917 года в Москву пришло по телеграфу сообщение: «Вооружённое восстание в Петрограде победило, всю власть взял в свои руки Съезд рабочих и крестьян — съезд Советов».

В Москве затрещали выстрелы, на улицах выросли баррикады. На бой с белогвардейцами выходили отряды дружинников. Тысячи рабочих записывались в Красную гвардию. Вот когда понадобились патроны из обойного магазина.

Алёша разбирал стену, вытаскивал ящики, рассовывал патроны по сумкам, с которыми приходили дружинники.

— Скорее, сынок, — торопили его.

Алёша работал без передышки, а когда патроны были розданы, ушёл к Фёдору.

Отряд Фёдора соорудил баррикаду в одном из переулков, который выходил на Остоженку.

На Остоженке был главный штаб белых. Фёдор и его дружинники должны были не пропускать к штабу юнкеров Александровского военного училища, что находилось на Арбате.

Алёше тоже вручили винтовку и две обоймы с патронами. Сказали:

— Зря, смотри, не пуляй.

— Как-нибудь понимаем, — обиделся он.

Алёше казалось, что юнкеров ожидали напрасно, — за весь день лишь два раза в самом конце переулочка мелькнули серые шинели. По ним дали залп. Вот и всё сражение. А где-то недалеко шли настоящие бои. Слышались частые винтовочные выстрелы, били пулемёты.

На следующий день Алёша пришёл к сестре в её «летучий» санитарный отряд. Санитары не задерживались на одном месте. Они уходили туда, где было опасно, где жарче шла схватка.

Алёша от взрослых не отставал: выносил раненых, делал перевязки, подбавлял. На Кудринской площади он попал под обстрел. Пуля пробила сумку.

Через два дня Алёша с Леной снова отправились в отряд к Фёдору. Чтобы сократить путь, шли дворами, несколько раз перелезали через ограды и вышли прямо на баррикаду. Дружинники даже не заметили, как среди них очутились брат и сестра.

— Молодцы, — подошёл к ним Фёдор, — санитары нам очень нужны.

Лена тут же принялась перевязывать раненых. Алёша хотел было ей помочь, но Фёдор отозвал его в сторону.

— Алёша, если не достанем патронов, — нам крышка. Отряд отрезан от своих, патроны кончились, нет ни хлеба, ни воды. Не удержим баррикаду. В переулке полно юнкеров. Только что отбили их атаку.

— Так я сбегаю, возьму у соседей, — Алёша кивнул на вторую баррикаду, что была возле самой Остоженки.

Фёдор усмехнулся.

— Это мы б и сами догадались. Видишь церковь?

— Ну?

— Там на колокольне юнкера пулемёт поставили. Нас обстреливать не могут: дом закрывает...

— «Мертвая зона» получается...

— Правильно. Но отойди шагов на сорок — и будешь, как на ладони. Трое наших пытались пробраться. А что вышло? Одного вон твоя Елена перевязывает, а двое так и остались на месте. Между баррикадами нет связи. Так что патроны надо достать где-ни-будь в другом месте.

Алёша отправился в обратный путь.

«Но где же взять патроны? А что если?..»

Алёша вспомнил про обойный магазин. Неделю назад вместе с обоями, упакованными в тюки, привезли ящик патронов, его запрятали за тюки. Может, он ещё там?..

До магазина Алёша добрался благополучно. Своим ключом открыл дверь в подвал, кинулся к тюкам, отодвинул их... Есть!

Сорвал крышку, быстро наполнил патронами сумку, карманы и побежал назад.

В подворотне одного дома нос к носу столкнулся с белогвардейцем.

— Стой! Что несёшь? Куда?

— Пустите. Я к брату иду... Он у меня юнкер. У них патроны кончились, а им на Остоженку прорваться надо, к штабу! — Алёша прижал к груди сумку.

— Ладно, идём вместе.

Пока Алёша раздумывал, как бы ему улизнуть, началась стрельба. И только белогвардеец спрятался за воротами, Алёша пустился бегом через проходной двор.

На баррикаде к его сумке потянулось множество рук.

— Вот это выручил, — говорили красnogвардейцы, — теперь дадим прикурить!..

И когда юнкера один за другим, прижимаясь к стене, вновь бросились в атаку, примолкнувшая было баррикада встретила их дружным огнём. Цепь юнкеров дрогнула, рассыпалась, пропала. В переулке стало тихо. И вдруг:

«Тра-та-та-та...» — простучал с колющими пулемёт. Алёша оглянулся. Позади баррикады на тротуаре, там, где кончалась «мёртвая зона», лежал мальчишка. Вот он чуть приподнялся, с трудом прополз немного и опять уткнулся лицом в землю.

«Ранен», — мелькнуло в голове Алёши. Он кинулся к мальчишке.

— Назад! — кричали ему. — Стой!..

Но Алёша уже добежал до раненого. Тут же возле мальчика опустилась и Лена с санитарной сумкой.

«Тра-та-та-та-та, — снова застучал пулемёт, — тра-та-та-та...»

Брат и сестра упали. Лену ранило в ногу. Алёшу пули прошли насквозь через спину и живот. *

Первое ноября 1917 года.

Алёша долго не приходил в сознание, а когда открыл глаза, увидел возле себя Фёдора.

Алёша хотел что-то произнести, но лишь пошевелил губами.

— Молчи, молчи, — просил Фёдор.

— Лена... жива?

— Жива, дорогой...

Алёша закрыл глаза, потом чуть слышно спросил:

— А она... держится?

— Кто?

— Моя... моя баррикада.

— Держится, дорогой, держится.

Алёша молчал. Молчал и Фёдор.

— Пусть она... долго держится, — зашептал Алёша. — Всегда держится.

— Да, Алёша, она будет долго держаться.

Но Алёша уже ничего не слышал. Сердце его остановилось.

...А баррикада простояла ещё четыре дня. Потом её разобрали. Она уже была не нужна: в Москве победила революция.



Имя юного героя революции Алёши Кузнецова навечно занесено в Книгу почёта Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.



Миша ГАВРИЛОВ



Гавриловы приехали в город Уральск из глухой деревеньки Турбанки Васильсурской области Нижегородской губернии¹. И никому не были они, иногородцы, нужны в этом далёком-далёком чужом городе. Хорошо хоть отец пристроился мусор возить, и младший сын Миша ему помогал. А от старшего брата Ивана не было давно никаких вестей: как взяли на Германскую войну, так и ни слуху ни духу...

Миша быстро подружился с местными мальчишками из бедных семей и стал их вожак. Все вместе ребята ходили за Чаган драться с сыновьями богатых станичников.

После февраля 1917 года Миша Гаврилов вместе со своей мальчишеской дружиной помогал подпольщикам распространять большевистские листовки, газеты, прятать от жандармов политических.

Когда в Петрограде победила революция и большевики объявили, что власть переходит в руки рабочих и крестьян, на Урале тоже стали устанавливать народную власть.



От Ленина из Москвы приехал Филипп Маркович Неусыпов. Его в Уральске все хорошо знали. Он был самый главный большевик. И Миша его тоже знал.

Но произошло неожиданное: белоказаки заняли Уральск, арестовали Совет депутатов трудящихся и стали сажать

¹ Так раньше называлась Горьковская область.

в тюрьму всех, кто помогал большевикам. По доносу шпика был арестован и Неусыпов.

Миша думал:

«Как ему теперь быть? Кому помогать?»

И прежде всего он вспомнил о сером домике на берегу Чагана. Там живёт тётя Катя, жена Неусыпова, с дочкой Капой. Может быть, им нужна какая-нибудь помощь?

Как же пробраться к тёте Кате? Днём опасно, могут увидеть, ночью по всем улицам ходят казачьи патрули. Не пройдёшь.

Миша решил этот вопрос по-своему. Он вырядился в тряпье, испачкал лицо, прикинулся глухонемым бродяжкой и в таком виде среди бела дня пробрался к Чагану.

Когда он постучал в дверь серого домика, на крыльце появилась побледневшая, осунувшаяся тётя Катя. Она не узнала его.

— Тебе, мальчик, хлеба?

Он оглянулся по сторонам и зашептал:

— Тётя Катя, я — Миша. Помните? Я пришёл... может, вам что надо? Я сделаю.

— А что же ты такой?..

— Чтобы не узнали они, чики¹, — прищурил озорные глаза бродяжка.

Тётя Катя, не сдержавшись, улыбнулась.

— Подпольщик, значит? Ну, пойдём, родной, в избу.

¹ Так на Урале называли белоказаков.

С этого дня Миша стал помогать тётке Кате присматривать за хозяйством. От неё он узнал, что Филипп Маркович находится в городской тюрьме и для свидания с ним никого не пускают. Выполняя поручения тёти Кати, Миша ходил на станцию, где было больше всего рабочих, прислушивался к их разговорам...

Через несколько дней Миша узнал, что Филиппа Марковича казнили...



...В мазанку к Гавриловым пришли белоказаки и угнали отца за Чаган — рыть окопы. Вернулся он недели через две. Вошёл в избу расстроенный: «Генералы гонят на Саратов войска, к осени грозят взять Москву».

Вечером света в избе не зажигали. Вздрагивали при каждом шорохе.

Неожиданно в тёмных сенях послышались чьи-то тяжёлые шаги. Вошёл огромный солдат с саблей на боку, упёрся головой в потолок. На погонах две светлые полосы — младший урядник. Крупное нерусское лицо с чёрными вислыми усами сурово, как у степного богатыря.

— Здравствуй, — сказал вошедший. — Я Искак Атанов. Зажги коптилку.

Атанов сел на табурет. Осмотрел тесную хатёнку, увидел насторожившегося мальчугана.

— Мишка! Ай, Мишка! Давай руку! Зачем так смотришь? Искана боишься? Не бойся, Мишка! Искак — совсем не чужой человек.

Искак тебя знает. Иван о тебе говорил.

Мишка осмелел. Спросил, показывая на погоны.

— А как же это, дядя Искак?

— Это? — Искак как-то загадочно, неопределённо улыбнулся. — Это ничего. Там, — показал он на оконце, — большой посёлок есть, Мануйлово-Галушань называется. В посёлке полк есть. Вот там Искак служит. — А полк ваш за красных или за белых?

Атанов похлопал мальчугана по плечу и отпустил.

— Ты, Мишка, ещё совсем маленький. Как мой брат Нуртай. — И Атанов обратился к старшим Гавриловым: — Я хорошую весть в ваш дом привёз.

У нас, казахов, есть такой узун-кулак, по-русски — длинное ухо, слышали? Вот один наш джигит в Саратове был. Не знаю, может, правда, может, нет, а джигит сказал, что вашего Ивана видел. Иван — красный солдат, он на Уральск идёт. Миша не отходил от Искака. Слушал его, а сам думал о брате Иване: он так близко воюет с белыми! Брат, наверное, служит у самого грозного Чапая, слава о котором уже дошла до Уральска. Может быть, там и другие большевики. Придут они с Чапаем, разобьют всех генералов, освободят Уральск, отомстят за Филиппа Марковича, за многих большевиков.

После ухода Атанова Миша не переставал думать о брате Иване, об Арсении Красникове, о Саратове. Эти мысли не давали ему покоя. Вот бы и ему поспеть туда. Плавать, бегать, ползать на животе, стрелять из настоящей боевой винтовки он умеет, страху у него тоже будто мало — неужели его не возьмёт к себе в солдаты Чапай?

Кое-как уговорил отца с матерью отпустить его в Саратов, а то, мол, сам убежит. Старики согласились. Вспомнили о Семёне Шрамко — он работал в депо машинистом. Как-никак знакомый: вместе с Иваном был в солдатах. Не откажет же перевезти Мишу в Саратов.



Красный Саратов готовился к жестоким боям с силами контрреволюции. У берегов Волги, на причалах, дымили пароходы, приготовленные под погрузку воинских частей. А по другую сторону города на железнодорожных путях поспешно разгружались поезда. Красноармейцы выводили из теплушек коней, выносили ящики с винтовками, патронами, снарядами, с платформ скатывали орудия, полевые кухни, двуколки, санитарные повозки.

На стенах, заборах и телеграфных столбах пестрели плакаты, лозунги, воззвания. На площадях не затихали речи. Комиссары частей, члены Саратовского губкома партии и губревкома напутствовали красных бойцов, уходивших под Царицын, Уфу, на Уральский фронт. Линия Уральского фронта в эту пору проходила

возле станции Семиглавый Мар, что недалеко от Саратова. Станция находилась в руках красных.

Вот сюда-то, к станции Семиглавый Мар, и вёл поезд с новым подкреплением белых машинист Семён Шрамко. Паровоз всё время шёл без огней. Вот заскрежетали тормоза, и поезд остановился. Послышались приглушённые голоса вышедших из темноты людей. К платформам приставили трапы, стали скатывать орудия. Захлопали двери теплушек. Люди торопились, подгоняли друг друга.

Над тендом появилась голова — Миша узнал Шрамко и подполз к нему.

— Чи живой? Вылазь. Скорей! Айда за мной!

Мальчуган, волоча за собой чёрную сумку, в которой когда-то разносил газеты, ловко спрыгнул на землю.

Машинист показал налево от линии, где над мутным горизонтом едва заметно выделялись какие-то неясные зубчатые очертания.

— Там каменоломни. Тикай туда, сиди до утра. А як рассветёт, побачишь на станцию — там наши, красные. Понял?

— Понял, дядя Семён. Спасибо, что довёз.

— Придёшь до наших, обо всём расскажи, що бачил. А эти, — кивнул он на тёмный поезд, — из Гурьева. Пушки англичане морем привезли. Полевые. Три батареи. Семиглавый Мар взять собираются.



Пока ещё не рассвело, надо идти, чтобы не увидели беляки. А куда? В какую сторону? Тут до Миши донёсся густой, нарастающий шум; потом он стал различать цокот копыт, лязг металла. Шум приближался.

Миша подполз к краю ямы и выглянул. С вершин сопков, которые здесь называют сыртами, спускалась конница. Её было много, и она, рассыпаясь веером, сползала в низины. Сотни две конников прошли совсем рядом, и он видел лица, чубы, погоны, кокарды с бело-зелёными ленточками наискось.

— Они, чики! — по старой привычке выдохнул Миша. У него заглохло сердце. — Должно, пошли на наших... там станция Семиглавый Мар.

Мишу охватил страх, страх за себя и за тех, кто был там, на станции. Что он будет делать без них? Куда пойдёт? Кругом враги.

Со стороны сыртов тоже появились конники, и раздался чей-то сильный, властный голос:

— Выходи на сырты, занимай! Выбрать места для пулемётов! Ставь пушки! Быстро! Передать командирам!

Миша повернул голову, ища того, кто отдавал приказы. В сотне шагов от него на плоской вершине сопки, сидя на белом коне, тонкий, затянутый в ремни человек смотрел в бинокль и то и дело бросал короткие фразы ординарцам, которые подносили руку к головным уборам и тут же исчезали.

— Огонь! Огонь! — услышал он снова, и сердце его сильно и часто застучало: «Наши! Это на-ши! Красные!»

Мимо проносились гривы коней, чубатые головы с красными околышами, вскинутые в небо клинки.

Вдруг Миша увидел, как недалеко от него упал с лошади боец.

Пересилив страх, Миша вылез из ямы и подполз к бойцу. По его спутавшимся волосам текла кровь, заливая белевшее с каждой секундой лицо. Рядом валялся карабин.

Боец потянулся к карабину, но его рука бессильно упала...

— Возьми, — пошевелил белыми, обескровленными губами боец. — И патроны вот... а я... прощай, — и повалился на залитый кровью щебень.

Наверху послышались ликующие возгласы: — Ура! Ура! Чапай, Чапай идёт! Держись, товарищи!

Миша едва успел отскочить в сторону, как мимо него в погоню за белоказаками промчался отряд с Чапаевым впереди.

Белоказаров как ветром сдуло. Оставляя убитых и раненых, они поскакали прочь — одно имя Чапаева наводило на них ужас.



Бой окончился. Бойцы обнимались, бросали вверх шапки, обменивались оружием. Но вот радостное возбуждение улеглось.

Горнисты затрубили сбор. Огромная, перемешавшаяся серая солдатская мас-

са заволновалась, хлынула в разные стороны. И тогда многие увидели подростка с карабином, который одиноко стоял между строящимися частями.

— Эй ты, вояка, иди сюда! — кричали ему.

А те, что строились ближе к станции Семиглавый Мар, звали к себе.

— Ребята! Да это никак наш, уральский... — услышал Миша чей-то голос, который показался ему знакомым. К нему, прищпорив лошадь, подскакал всадник, небольшой, щуплый, с белёсыми усами.

— Миша, ты как сюда попал?

— Дядя... дядя Красников! — воскликнул тот. Он припал к стремени. — Я из Уральска. Там белые всех убивают. Филиппа Марковича казнили...

Казак снял фуражку. Помолчал и спросил:

— Где же ты сейчас?

Миша не знал, что ответить.

— Служишь где, спрашиваю, в какой части?

— Я нигде. Я сам по себе.

— А винтовка чья?

Юный боец взглянул на карабин. В самом деле, чей он?

В этот момент от сыртов примчался кавалерист. — Послушай-ка, — обратился он к Мише. — Воевал вместе с нами. Вот и винтовку взял нашу, а сам к ним метишь, — улыбаясь, взглянул он на Красникова. — Тебя, брат, сам Чапаев приметил, за тобой меня прислал. Пошли.

Когда ординарец привёл Мишу к Чапаеву, тот весело спросил:

— Ну-ка, герой, скажи, как ты попал на сырты?

— К вам, товарищ Чапай, шёл, — бойко ответил Миша. — Из Уральска.

— Шёл? — улыбнулся Василий Иванович. — Ты же как из печной трубы вылез. Цыган не цыган.

Юный боец только сейчас вспомнил, что сидел на тендере среди угля. Ему и самому стало смешно. Он снял картуз и, вытирая им лицо, сказал:

— Это я на угле ехал... дядя Семён Шрамко меня взял на тендер. Машинистом он у белых, а сам за красных... Он велел сказать, что в поезде привёз белых солдат, из Гурьева они. И у них — три батареи полевых пушек, их англичане на кораблях по морю Каспию привезли.



Чапаев переглянулся со своими командирами.

— А мы-то думали, откуда у них орудия появились. — И снова к Мише: — Молодец. Спасибо тебе, важные сведения ты передал. Такие солдаты, как ты, мне нужны. В разведку тебя возьму. Товарищ комбат Баулин, — повернулся он к плотному, уже в годах человеку в защитном кителе, — зачислите к себе в разведку! Да как тебя, герой, зовут-то? Михаил Гаврилов? Хорошее русское имя. И обмундирование выдайте красноармейцу Михаилу Гаврилову. А карабин павшего бойца Хлебова оставить за ним до конца гражданской войны. Так и в приказе напишите: до конца войны.



Вместе с чапаевцами подошёл к своему городу и Миша Гаврилов. В пешей разведке, приданной батальону Баулина, он нашёл себе верного товарища, сына комбата, своего сверстника Федю Баулина.

Миша и Федя были самыми юными бойцами в полку, и их уже все знали. Они



вместе ходили в разведку, иногда подползали к самым кострам белоказачков, подслушивали их разговоры и передавали своим. Но пока ни одного выдающегося случая в их службе не было.

Под Уральском полк остановился.

Поздним вечером комбат Баулин вернулся с военного совета и собрал разведчиков.

— Товарищ Чапаев приказал обследовать всё правое побережье Чагана вплоть до хутора Макаровка. Что-то беляки против нас замышляют. Разведчики — их было около взвода — разбились на мелкие группы и растаяли в наступившей темноте. Миша и Федя напросились, чтобы их послали как можно дальше. Комбат разрешил, но с условием, что на ту сторону Чагана они перебираться не будут. Прошло два часа. Разведчики возвращались и докладывали, но ничего нового не было в их донесениях. Миша и Федя не возвращались. Со стороны, куда они ушли, слышалась стрельба, и комбат начал беспокоиться. Не допустил ли он ошибки, погнав в разведку этого шустрого мальчугана, а вместе с ним и своего сына?

Комбат Баулин послал ещё людей, а сам в тяжёлом раздумье ходил перед своей палаткой и всматривался в темноту ночи. И вот увидел: идут! Нет, даже не идут — бегут!

Всмотрелся — и сразу отлегло: они! Встретил их прямо в поле.

— Ну что?

— Смотрели. Между посёлком Новеньким и хутором Макаровым казаки спустили паром и при нас переправили на эту сторону два броневика. Потом стали перевозить коней и казаков, — докладывал Миша. А Федя, когда тот забывал что-либо, дополнял его.

— А как на том берегу? Войск много?

— Много, видать. Конные все. В Трекино тоже поскакали — там раньше брод был не так глубоко, — торопливо пояснял Миша.

Вскоре вернулись ещё разведчики и доложили, что наблюдается движение войск противника.

Баулин ушёл в штаб полка. Через несколько минут туда же вызвали разведчиков.

Чапаев, бодрый, подтянутый как всегда, ещё раз расспросил Мишу и Федю, обнял мальчуганов и растроганно сказал:

— Спасибо вам, сынки, за службу! Всё так. Я и сам думал, не дураки же белые, чтобы терпеть нас перед самым носом. Идите. Берегите себя.

Спустя час полки, тихо снявшись и приняв все меры предосторожности, уже отходили на Саратов. А тем временем белоказачки готовились на рассвете атаковать и уничтожить красных, но обнаружили, что Чапаев перехитрил их.



... Снегами, непроглядными метелями начался 1919 год.

Чапаевская дивизия вместе с Краснодарской пехотой снова шла на Уральск.

В одном из боёв с беляками был ранен Баулин, но он не отправился в лазарет и остался в дивизии. И теперь при новом наступлении на Уральск Баулин ехал в повозке вместе со своим пехотным полком, куда он был назначен командиром. Выбыл из дивизии Красников. Раненого в том же бою в обе ноги, его увезли на излечение в Саратов.

Вместе со своим полком участвовали в боях Миша и Федя. В новом походе они наравне со взрослыми переносили все тяготы боевой жизни. Суровый солдат-коммунист Баулин был строг к ним. Его сын и Миша шагали по снегу в общем строю с винтовками за плечами. Видел их не раз и проезжавший мимо на своём белом коне Чапаев, здоровался с ними, называл «сынками», крутил свои геройские усы, но того, что они шагают по снегу, словно не замечал.

Миша и Федя едва передвигали ноги. Они сильно устали и, отстав от товарищей, дождались повозки Баулина и намеревались пристроиться сзади на полозьях. Но вдруг начался обстрел. Казаки поставили на увале пушки и посылали оттуда снаряды. Им тут же ответила полковая артиллерия. Федя, уже ко всему привыкший за боевую жизнь, махнул рукой.

— А ну их! Пушай стреляют. Давай, Миша, присядем.

— Ты садись, а я побегу к пушкам, — сказал Миша. Едва он пробежал сотню шагов, как над головой пролетел снаряд. Раздался взрыв.

Миша упал, а когда поднялся, уже не было ни повозки, ни коней, ни Феди, ни его отца. Всё было разнесено, земля разворочена, снег потемнел от крови.

В этот день на широком лбу и возле рта подростка легло ещё по одной скорбной складке, а взгляд умных карих глаз стал строже, серьёзнее...



Наступило туманное утро 23 января. Жители Уральска слышали орудийный гул. Вскоре в городе стали рваться снаряды. Красные наступали со стороны вокзала, и белоказаки стянули туда всю свою артиллерию.

Бой у стен города был жестоким, упорным. Казаки не выдержали натиска чапаевцев и краснодарцев.

В город вступила Красная Армия.

В одной из пехотных цепей бежал маленький красноармеец. Поровнявшись с воротами родного дома, он увидел девушку и бросился к ней.

— Вот умалишённый! Да ты что! — попятилась девушка.

— Анка! Аль не узнала?

— Миша... браток... это ты?

— Я... я, Анка!

Брат и сестра обнялись. По щекам девушки катились слёзы. Она гладила грубое, холодное сукно шинели.

— Ух, какой же ты стал... чёрный, худущий... А мы-то думали... Ну идём... вот наши обрадуются!

— Нельзя... вон товарищи, — замялся было боец, но потом, решившись, вбежал в мазанку. С налёта обнял отца, мать и вернулся к порогу.

— Пока до свидания... я сейчас... скоро.

Разбитые наголову казачьи части бежали.

Фрунзе, находившийся в Саратове, узнал о большом поражении белоказачьей армии, отдал Чапаеву приказ: не давать врагу передышки, гнать его дальше.



Перед тем как выступить из Уральска, Чапаев объезжал полки своей дивизии.

А Миша в это время как раз заболел — у него было воспаление лёгких. Возле команды разведчиков Пугачёвского полка Василий Иванович задержался.

— Сынка своего не вижу, — заметил он.

В полку к слову «сынок» уже все привыкли — привилось оно, это слово, к Мише.

— Он болен, товарищ начдив, — ответил начальник разведки.

— Как болен? Почему не сказали? Где?

— У себя дома.

Миша, укрытый старым лоскутным одеялом, лежал в углу на самодельной деревянной кровати. Увидев в дверях чёрную бурку своего начдива, он вскочил. Чапаев остановил его и присел на кончик табурета, торопливо придвинутого матерью Миши.

— Что же ты, солдат, сдал? Воевал-воевал — и вот на тебе! Куда это годится! Выходит, и на Колчака с нами не пойдёшь?

Миша печально, умоляюще смотрел на начдива, не в силах, сказать ни слова.

— Василий Иванович, не оставляйте меня, — наконец заговорил он. — Я отлежусь в дороге, пока до фронта дойдём.

Чапаев приложил к его лбу руку, помолчал с минуту и, покачав головой, мягко сказал:

— Нельзя, Миша, тебе в поход, придётся остаться. Лежи, поправляйся. Даю тебе месяц отпуска. А встанешь — опять в дивизию.

Так, что ли?

Чапаев встал.

— Товарищ начдив... Василий Иванович, а как же карабин... не отберут у меня?

— Не имеют права. Я же сказал: до конца гражданской войны за тобой оставлен. Вот и береги. Держи в готовности.



После ухода чапаевцев из Уральска недобитые казачьи полки воспрянули духом.

Над красным Уральском снова нависла угроза. Город стал готовиться к обороне.

Миша Гаврилов, оправившись после болезни, вступил в боевую дружину защитников города. Здесь он встретил своего товарища детства, казаха Нуртая Атанова, брата Искака. Нуртай пришёл вместе с другими казахами записываться в дружину.

Когда в город на подмогу вступили полки Краснодарской дивизии, Миша и Нуртай были зачислены бойцами в один из её полков.

Военная судьба связала мальчиков — русского и казаха.



Уже в сумерках, после ужина, проходя по окопам, Арсений Красников, вернувшийся в свой полк после лечения, остановился возле Миши и Нуртая. Осмотрел их винтовки, заглянул в подсумки с патронами, сунул руки за ремень тому и другому и сказал:

— Готовьтесь в разведку! Пошли за мной.

В блиндаже, прикрыв маленькую дверь, стали у порога, ожидая приказа.

— Беляки что-то задумали... — говорил Арсений, опускаясь на табурет возле большого ящика, заменяющего

стол. — Стемнеет — подползите к переправе через Чаган возле хутора Макарово. Если будут проходить войска, запомните, какие, сколько, куда идут. Ясно?

— Так точно!

— Вернуться на рассвете, а если что важное узнаете — раньше.

Разведчики уже хотели идти, но командир задержал их. Он порылся в ящике и подал каждому по горсти галет и по куску сахара.

— Это вам на дорогу. Ну, ступайте!..

Осторожно, прислушавшись к каждому звуку и шороху, разведчики, как тени, скользили в высоких травах и кустарниках.

До переправы оставалось версты две, а может быть, и того меньше. Вдруг ветер, пробежавший по верхушкам трав, донёс какие-то неясные звуки, похожие на топот копыт. Бойцы замерли.

— Слышишь? — шепнул Миша.

— Слышу... Едут. Топот приближался. Было ясно, скачут всадники и держат направление к Чагану — прямо на разведчиков.

— Давай вон туда, — показал чапеец на бугорок, над которым темнели кусты полыни. Бугорок оказался развалиной — здесь когда-то была рыбацья землянка.

Разведчики залегли.

Топот нарастал. Вот на тёмном фоне неба вырисовывались два силуэта. Всадники торопились. Когда до развалины осталось не более двадцати шагов, кони вдруг стали. Теперь всадники были видны отчётливо: один, видно, молодой, тонкий, подтянутый; другой — лохматый, приземистый. Кони храпели, чуя опасность.

— Стой ты, чёрт! — нервно дёрнул коня за повод молодой всадник. — Куда мы попали?

— Не могу знать, ваше благородие! Вижу — Чаган, а какое место — не пойму.

Сомнений не было — офицер и казак.

«Пора, пора», — молнией пронеслось в голове чапаевца. Он толкнул локтем Нуртая и спустил курок. Рядом раздался второй выстрел.

Разведчики, перезарядив ружья, побежали к темневшим на траве телам. Офицер был мёртв, а казак тихо стонал.

На переправе, а может быть, на хуторе Макарово началась стрельба. Это всполошились белоказаки...

Бойцы обыскивали трупы врагов, забрали пакет, который был при офицере, оружие и бросились к посёлку Новенькому. Бежали изо всех сил. Временами, чтобы перевести дух, останавливались, прислушивались. И не могли понять, слышат ли шум погони или так гулко стучат сердца.

Вот явственно послышались топот, крики. «Казаки!» Разведчики бросились под берег — он здесь был на всём протяжении низкий, пологий, заросший кустарником, лопухами, конским щавелем. Залегли, притаились.

Казаки — их было человек десять — проскакали мимо по направлению к Новенькому.

Бойцы с облегчением вздохнули. Вскочили и, прижимаясь к самой воде, снова помчались.

Они старались выиграть время, сократить расстояние — там ведь были свои, они могли услышать, прийти на помощь. Надо бежать, бежать...

Фыркание лошадей, хруст кустарника, глухие шаги опять заставили их припасть к земле.

На них двигалось несколько расплывчатых теней. Казаки, ведя за поводья коней, шли цепочкой, прощупывая берег.

— Ползём дальше, — шепнул Нуртаю Миша.

Они полезли в шиповник, на котором темнели гнёзда.

Вдруг захлопали крыльями птицы — нарушили тишину ночи криком:

— Ка-р-р! Кар-р-р!

Всё пропало: чёрные птицы выдали их.

Разведчики подняли ружья. Грянули выстрелы.

Бойцы отстреливались, сползли к воде. Нуртай шепнул на ухо другу:

— Миша... ты плыви, а я останусь...

— Нет, лучше ты плыви, вот пакет... там, наверное, важные сведения... доставь командиру...

За кустом поднялся бородатый казак — Миша выстрелил, и казак упал. В этот момент на том берегу послышались крики, грянуло несколько выстрелов.

Белые ускакали. С того берега стали кричать:

— Гаврилов! Атанов! Вы это?

— Мы-ы! — узнав товарищей по роте, обрадовались разведчики.

— Сюда-а! Плы-и-и! Скорее-ей!

Бойцы сбросили с себя одежду, прикрепили её обмотками к голове и поплыли...

Помощь, высланная Красниковым, подоспела вовремя. Разведчиков ввели в блиндаж. Они были мокрые, в крови.

— Ранены? — встревожился Арсений.

— Никак нет, товарищ командир! Только чуть белякам в лапы не попали!

Миша шагнул к ящику и поспешно выложил содержимое своих карманов: пухлый бумажник, револьвер иностранного образца, офицерский погон. Нуртай, следуя примеру друга, вынимал из карманов вещи, взятые у казака.

— А вот это особо, — сказал чапаевец, подавая командиру пакет. Пакет был немного помятый, подмоченный, в правом углу стоял гриф: «Хутор Макарово. В собственные руки командиру пехотного казачьего полка полковнику Шадрину». Под чертой: «Ставка командующего уральской армией...»



В посёлок Невольное прискакал комполка Иноков. Он обходил окопы. И старые бойцы-новоузенцы, знавшие своего командира по прежним боям, говорили:

— Иноков здесь, значит, дело будет серьёзное.

А шум нарастал. То и дело снова появлялись разведчики. Докладывали:

— Товарищ комполка! Казаки идут. Прошли уже половину пути. Идут смело, даже не выслали вперёд разведку.

— Пусть идут. Встретим, как надо. Верно, товарищи?

— Верно!..

Вот и третья рота, примыкающая к берегу Чагана. Арсений Красников, прихрамывая, вышел навстречу, хотел отрапортовать — Иноков взял его за руку:

— Не надо. Где ваши самые молодые разведчики?

Миша и Нуртай дремали в темноте на выступе окопа, прижавшись друг к другу. Комполка остановился перед ними: и надо разбудить, и жаль нарушать крепкий сон. Но они, точно почуяв, вдруг вскочили.

— Здравствуйте, ребята! — мягко поздоровался Иноков. — Вы знаете, что красный Уральск дважды вам обязан? Вчера вы помогли узнать о передвижении войск белой армии, сегодня добыли пакет о планах врага. Спасибо вам за службу, за преданность революции! Ревком и штаб обороны представили вас к награде...

Иноков откинул полу своей чёрной тулупки, вынул часы и при свете ручного фонарика взглянул на циферблат. Минутная стрелка подходила к трём. Он выпрямился и стал чего-то ждать.

К орудийной канонаде, которая гремела за Ханской рощей, вдруг примешались густые кричающие голоса гаубиц, расположенных на Железновской площади; к ним тотчас же присоединился гул орудий. Наступление началось точно в установленное время.



Встало солнце, мутное от дыма и пыли. Над Макаровым полем, над древней яйцой землёй стало тихо. И если бы не истерзанное, заваленное трупами, влажное от крови ковыльное поле, нельзя было бы и подумать, что здесь кипела страшная битва.

В посёлке Новеньком на вытоптанной, израненной, забросанной осколками рядов и всё же зелёной траве лежали раненые. Врачи и сёстры в белых халатах делали перевязки, отправляли в госпитали, в дома горожан тех, кого ещё можно было вернуть к жизни.

Возле подбитой пушки на разостланной шинели лежал Миша Гаврилов.

Полчаса назад его принесли санитары. Нашли на берегу Чагана, против того места, где стояла тачанка с пулемётом и где лежало в луже крови тело красного казака-героя Арсения Красникова. Нуртай Атанов держал за руку друга и плакал.

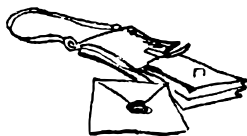
Здесь же, в камышах, распластался старый казак со страшными глазами. Это он выстрелил в спину чапаевца, но пуля Нуртая отомстила врагу за друга.

Миша открыл глаза. Узнал тех, кто стоял над ним, слабо, одними губами улыбнулся и попросил пить.

Поднесли флягу с водой. Он хлебнул глоток, другой — вода порозовела, потекла изо рта по бледным, впалым щекам. Карие, глубокие глаза на миг засветились радостью.

— Значит, чиков... разбили? Нуртай, а где мой карабин? Возьми его себе... — с трудом произнёс Миша, вытянулся и затих...

Тело Миши и других отличившихся в этом бою воинов привезли в штаб обороны. Защитники города прощались с героями.



Киря БАЕВ



В один из вечеров перед командиром партизанского отряда Игнатием Громым появился паренёк из сибирского села Поперечного, Киря Баев. Громов сидел у стола, неторопливо закуривал.

— Вот! От отца, Баева Осипа Михайловича. — Киря чётким движением подал письмо, вытянул руки по швам и застыл, как солдат, по команде «смирно».

Пока Громов вскрывал и читал письмо, Киря разглядывал командира.

«Так вот он какой, Громов-то? Высокий, плечистый. Синие глаза под тёмными бровями смотрят строго».

Киря пошевелился, теснее сдвинув каблуки, и дрогнувшим голосом сказал:

— Товарищ командир!.. Можно остаться у вас... в отряде?..

— Партизанить хочешь? — командир посмотрел ему прямо в глаза. — Мы берём самых смелых.

— А я что? Я не трус! Вы только примите. Сами увидите — сгожусь. Разведчиком. Маленькому в разведке лучше. Где хочешь пройду...

Лицо командира было серьёзно, только в синих глазах притаилась усмешечка.

Киря заметил усмешечку и обиделся. Не верит. Только собрался Киря сказать это, как Громов вдруг спросил:

— Отец твой самогонку достаёт, с беляками гулеванит. — Знаю, — Киря опустил глаза. — Его били!

Силком заставляют прислуживать.

— Значит, тебя побьют, и ты к белякам уйдёшь?

— Не уйду! — крикнул Киря.

— Время сейчас такое: отец в белых, сын в красных, — задумчиво сказал Громов. — Тебе ежели так придётся — не трусишь?

— Не струшу. Возьмите.



Когда Киря выехал от Громова, в ушах всё ещё раздавались слова: «Возьмём. Только помни: партизанить — не в бабки играть. Это дело трудное, а скорее — голову снесут. Подумай хорошенько...»

Нет, раздумывать Киря не собирался. Над чем? Теперь только радоваться: приняли! Но и радость омрачалась сомнением: кто же его отец и брат? Неужели враги?

Киря хлестал, торопил коня, скорее, скорее. Замирая, думал: «Приеду и скажу: с белыми вы или нет?»

И вот он дома.

— Отвёз? — спросил отец, приглядываясь к нему.

— Отвёз, — ответил Киря.

И вдруг, вперив в отца такой взгляд, которым, казалось, хотел просверлить его, тихо спросил:

— Тятя! Вы с Авдеем за белых или за красных?

Спросил и замер.

Отец посмотрел на него этак вприщур, насмешливо протянул:

— Че-го? Что такое? — и неожиданно обратил всё в шутку: — Что за вопрос?

— Мне знать надо! С кем вы?

Отец вдруг позвал:

— Авдей! Э, Авдей! Гляди-ка! Допрос учинил: с кем мы, с белыми или с красными?

— Вы мне. зубы не заговаривайте! — подскочил Киря к брату. — За кого вы? За советскую власть или за белых?

— Тю, дурачок! — примирительно проговорил Авдей. — Мы ни за тех, ни за других.

— А белых самогонкой угощаете? А разваживаете их? Или так, для виду?

— Для чего тебе — за кого мы? — спросил Осип Михайлович. — Так... — уклончиво ответил Киря. — Разговор был с Грозовым.

Отец с братом загадочно переглянулись. И неожиданно отец посоветовал:

— Ты не у нас пытай, у Грозова спроси...

В один из вечеров, когда Киря был в отряде, он рассказал Грозову о разговоре с отцом и братом Авдеем.

Грозов, сдержав улыбку, ответил:

— Отцу доверяй, как мне. Авдею тоже. Помогай им за бежками лучше ухаживать. А то, говорят, сидишь в хате, как пузырь надутый, и глазами всех съесть хочешь... — Грозов засмеялся. — А их, бежков-то, глазами не съешь. Зубы нужны...



Осип Михайлович Баев занимался хозяйством во дворе и косил глазом в сторону кулацкой избы, где ещё с зимы находились колчаковцы. Наверх поднимался зотовский приказчик Николай Уханов. «Недаром эта подлая лиса к офицеру зачастила», — подумал Баев.

Вскоре Уханов вышел, но не один, а с прапорщиком Княевым; они, оживлённо разговаривая, пересекли улицу и скрылись во дворе кулака Зотова.

Прапорщик вернулся от Зотовых уже к вечеру и приказал Баеву приготовить пару коней для поездки в город Камень.

Осип Михайлович проводил Княева наверх и степенно, с полупоклоном, пригласил:

— Милости просим с нами хлеба-соли отведать, на дорожку заправиться.

— Я сыт. Не хочу, — ответил прапорщик, надевая перед зеркалом фураж-

ку. — А впрочем, перед дорогой не помешает. Прапорщик Княев был новым человеком в Поперечном. Он занял место поручика Воронова и гордился этим. «Прапор», как его звал Киря, был молод, на его плечах блестели свеженькие погоны — он недавно получил офицерский чин. Но дела по службе шли у Княева неважно, и он всё время ходил мрачный.

Однажды начальник каменской контрразведки Анжелик презрительно заметил ему:

— Дела из рук вон плохи. Партизан не нащупали, а усы отпустили. Смотрите, не потеряйте их вместе с головой.

Осип Михайлович быстро раскусил прапора: любит деньги, водочку...

Сегодня, наблюдая за ним, Осип Михайлович заметил его необычайное веселье. Это могло означать лишь одно — успех в делах. Он решил узнать, что затеял колчаковец.

В горнице, куда они вошли, в углу сидел Киря и читал старую, затрёпанную книжку. На столе уже стоял самогон, тарелки с салом, огурцами, солёными грибами и другой снедью.

Хозяин предложил выпить «за добрый путь». Офицер нехотя выпил, потом, шумно выдохнув, неожиданно сказал:

— Подорожало нынче всё в Камне.

Баев сочувственно качнул головой и промолвил:

— Не беспокойся, ваше благородие, я дам денег. В городе пригодятся.

Выпив залпом второй стаканчик, офицер повернулся к Осипу Михайловичу и, старательно выговаривая слова, спросил:

— А л-лошади где? У меня с-срочное дело...

— Э, ваше благородие! — ласково усмехнулся Осип Михайлович. — Дело не волк — в лес не убежит. Я за деньгами послал к куме, скоро принесут. А пока давай ещё выпьем.

— Н-нет... Погоди... — еле шевелил тот языком, — у меня с-срочное. Пан Анжелик рассердится.

Осип Михайлович так и застыл со стаканом в руке. Сохраняя почтительную позу, он сдерживал дыхание, чтоб не пропустить ни одного слова.

Оказывается, этот подлец торопился прямо к начальнику контрразведки!

Значит, не ошибся Осип Баев, угадал — враг что-то замышляет. — Успеешь и к нему, — наконец, выговорил Осип Михайлович. — Пей! — И он почти силком влил в офицера ещё стакан самогону.

В голове Баева быстро созрел план: «Надо скорей к нашим. Пусть ждут на дороге. Если быстро сообщить, то перехватить успеют».

— Ваше благородие, — продолжал Баев, — на дворе ночь. Ехать боязно. Тут, бают, партизаны кругом шляются. А ты, видать, важные дела везёшь?..

— П-правильно, старик, важные. Тут. Он выразительно похлопал по карману.

Кирия почувствовал, как от горла внутрь покатился холодок. На секунду взгляды отца и сына скрестились.

Его благородие спал уже мертвецким сном.

Кирия привернул фитиль лампы и спросил отца:

— Наверх понесём?

— Нет. Давай-ка поглядим, что у него спрятано.

Они достали из внутреннего кармана прапора плотный конверт и, осторожно распечатав его, обнаружили несколько листов бумаги, исписанной аккуратным бисерным почерком.

— Зотовского приказчика Уханова рука, — заметил Баев.

На листках был почти полный список жителей Поперечного. Против многих фамилий стояли пометки: «большевик — расстрелять», «брат в партизанах — расстрелять...»

— Кирия, — твёрдо произнёс Осип Михайлович, — скажи к Громову и скажи, чтобы встречали у лесочка. Им там рукой подать.



В глухую полночь Кирилл прискакал к партизанам в Северный бор.

Привязывая к дереву запылённого коня, Кирилл увидел около большого костра несколько человек. Они сидели на земле и слушали командира.

Громов в накинутой на плечи кожаной тужурке стоял в центре круга.

— Вы знаете, что на нашу родину лезут интервенты: американские, англий-

ские, японские, французские, немецкие... берут в кольцо. Они верховодят русской белогвардейщиной. Цель у них одна: загубить молодую Советскую республику. Она им, словно нож в горло. Потому что их трудовой народ, глядя на нас, тоже может у себя революцию сделать! Надо хорошо каждому сообщать, за какое дело сейчас бьёмся. Можно сказать так: за мировую революцию, с мировым врагом трудового народа бороться приходится! Со всего света тянутся поганые руки к сердцу Советской власти. Но не выйдет это дело!

— Не выйдет! — раздался голоса.

Пётр Нечаев, которому Кирия рассказывал о событиях в Поперечном, протиснулся сквозь толпу и тронул Громова за рукав.

— Чего тебе? — оборачиваясь, спросил командир.

— Кирилл из Поперечного...



Совсем рассвело, когда Осип Михайлович и офицер подъехали к леску.

— Сто-ой — раздался грозный окрик. Из под уклона выскочили партизаны.

— Дрыхнешь, ваше благородие? Партизаны! — скрывая торжествующую улыбку, гудел Осип Михайлович и богатырской ручищей встряхивал за шиворот пассажира.

Пока тот приходил в себя, их обоих раздели, офицеру скрутили руки. Осипа Михайловича в одном белье усадили обратно в телегу. Он, глядя вслед офицеру, которого уводили партизаны, с ненавистью проговорил:

— Вот тебе, списки, гадюка!

Всё было сделано по-партизански — быстро и чётко.



По широкой улице большого села скорой рысцей едет Кирия.

Над высоким домом, где разместился партизанский штаб, трепещет красный флаг! Во дворе — десятка три засёдланных лошадей. В штабе полно народу.

Громов в чёрном матросском бушлате, через плечо — портупея. На боку — маузер. Отдаёт распоряжения, и все отвечают по-военному коротко: «Есть!»

Громов быстро написал ответ, запечатал и со словами: «Это — отцу», — протянул Кире. Потом провёл его в соседнюю комнату и приказал человеку, писавшему за столом:

— Дай этому парню, — он кивнул на Кирю, — полсотни листовок. — И снова обратился к связному: — Отсюда поедешь в Подветрено-Телеутское. Десяток листовок оставишь там, остальные — отцу...

На крыльце Киря столкнулся с Андреем, своим дружкой. Киря торопился. Андрей проводил его за село и, притворяясь безразличным, обронил:

— Куда торопишься? Успеешь, — и вынул часы, помедлил, разглядывая стрелки, чтобы дать Кире полюбоваться.

— Золотые?! — ахнул Киря. — Где ты их взял? — подозрительно спросил он.

Андрей, поигрывая тонкой цепочкой, победоносно улыбнулся.

— Думаешь, украл? — ответил он насмешливо. — С оружием в руках добыл!

Он рассказал о том, как во время налёта партизан на кулака-предателя успел «подцепить это барахлишко».

Кирилл побледнел от злости.

— Ах ты гад! — сжимая кулаки, шагнул к нему Кирилл. — Ты за этим в отряд залез? Чтобы грабить и воровать?

— Ну чего ты взъелся? Хочешь, подарю? Я себе ещё найду...

Кирю обожгла такая ненависть, что он, не отдавая себе отчёта, выхватил наган и направил его на товарища.

— Ах ты, — трясась, словно от озноба, медленно произнёс Киря. — Беляки говорят, что партизаны — разбойники! Мужики не верят. А ты хочешь, чтоб поверили?

Кирилл в бешенстве взвёл курок.

Андрей испугался.

— Нечаянно я, Кирюха... — залепетал он жалобно, — подвернулись, ну и взял... Больше не буду! Вот те крест!

Перед Кирей стоял жалкий Андрюшка. Злость прошла, и Киря решительно потребовал:

— Давай честное партизанское!

— Партизанское... — откликнулся Андрей.

— Ну, что же, теперь держись. Кто слово нарушит — сам себе смерть назна-

чает! — предупредил Киря. Потом подумал и добавил:

— Давай сюда часы.

— Зачем?

— Давай, чтобы они тебе рук не марили...

Кирилл взял часы, повесил на кустик и, отойдя на несколько шагов, выстрелил в них. Дождь мелких осколков ударил во все стороны.

— Прощай, — сказал Кирилл, — помни наш угоаор. Ведь ты был мне первым другом.



Ночью Кирилла разбудили.

— Вставай, вставай! — тряс его за плечо часовой.

Киря слышал голос часового, но проснуться не мог. Это был крепкий солдатский сон после трудной поездки.

Один из партизан, с улыбкой наблюдая за неумелыми действиями часового, подошёл к Кире и, нагнувшись над ним, оглушительно крикнул:

— Тревога! По коням!

Киря, словно подброшенный невидимой пружиной, вскочил.

— Тревога? — спросил он.

— Нету тревоги, — ответил партизан, — командир тебя срочно требует. В командирской избе горел тусклый каганец — плошка с маслом, в которой плавал тряпичный фитиль. Огонёк освещал лишь большие сильные руки командира, лежавшие на столе.

Кирилл остановился у двери и тихо произнёс:

— Явился, товарищ командир.

Из темноты прозвучал голос Громова:

— Вижу. Садись-ка к столу, партизан...

Кирилл выжидательно молчал.

— Ну, вот что, — сказал Громов, — придётся тебе снова в Камень отправиться. Нужно товарища выручать. Захватили его беляки, изувечили, в больнице у белых. Понял?

— Понял, — ответил Кирилл. — Один поеду?

— Один.

Киря хотел ещё что-то спросить, но удержался...

Громов забарабанил пальцами по столу.

— Чего не спрашиваешь, где, как придётся действовать, сколько противника встретится?

Кирилл простодушно ответил:

— Это я раньше так — всё выпытывал, как девчонка... А теперь знаю, что положено — командир скажет, а чего не нужно — и знать не требуется...



Партизанская подвода тихо двигалась по дороге. Хорошо смазанная телега не скрипела, копыта лошади были обмотаны и ступали бесшумно.

Возле самого Камня свернули в маленький лесок.

— На-ка вот, — вдруг сказал партизан, провожавший Кирию.

Наткнувшись в темноте на большую шершавую руку, Кирия ощутил пальцами холодную сталь.

— Ножик? — удивился Кирия. — Зачем?

У меня же наган есть.

— Возьми. Сам сделал. Пригодится.

Кирия понял, что ему не просто дают нож, а дарят оружие...

— Спасибо... — растроганно вымолвил Кирилл. — Я этого никогда не забуду. Вы, дядя, увидите, что я не маленький. Всё разужнаю... Спасибо...

«Как пробраться в больницу, как разыскать медицинскую сестру Трунцову, которая помогает партизанам?..»

Солнце поднялось уже довольно высоко. На берегу реки пристроились рыбаки — дети и взрослые.

Кирия нашёл тонкий длинный прут, достал из кармана леску с крючком и тоже соорудил удочку.

Он забрасывал крючок, а взгляд его не отрывался от приземистого одноэтажного здания больницы. Он старался запомнить все мелочи, как велел Громов.

Вот распахнулось больничное окно. Кирия всмотрелся — окно третье с краю. Значит, так и надо доложить: третье с краю окошко открывается.

Кирия смотрит на калитку больницы. Из неё выходит солдат с винтовкой. Он что-



то говорит часовому, тот уходит, а солдат остаётся:

«Смена», — отмечает про себя Кирилл.

— Эй, раззява! — вдруг окликает его расположившийся по соседству рыбак. — Удочку утащит!

Кирилл спохватывается и быстро дёргает леску. Через секунду у ног его бьётся большой, фунта на три, кастрюк.

— Повезло! — завидует сосед.

— Повезло... — без всякой радости подтвердил Кирия, думая, куда девать рыбину.

Время идёт медленно. Ушёл пароход в Новониколаевск. В больнице открылись ещё два окна. Снова сменился часовым. Опершись на винтовку, он как будто дремлет. Кирия решает подойти поближе к больнице. Он взбирается по обрыву, к которому пожалуй, удобней всего будет подойти партизанской лодке.

Часовой разговаривает с какой-то женщиной.

— И не проси, — говорит он, — гражданским сюда ходу нету.



— Дочка помирает, смилуйся, батюшка, я доктору заплачу и тебе самогоночки дам, — просит женщина.

Солдат колеблется, но отвечает уже мягче:

— Уехал доктор-то в Новониколаевск...

Женщина вздыхает и хочет уйти.

— Стой! — говорит солдат и вскидывает на неё винтовку. — Давай самогонку, а то в кутузку посажу.

Женщина испуганно отдаёт бутылку.

Солдат хохочет и тут же отпивает половину. Крякнув, вытирает ладонью усы и произносит:

— Закусить бы!..

Услышав это, Киря тихо предлагает:

— Я кастрюка поймал. Не возьмёте, дяденька?

Солдат непонимающе смотрит на мальчишку:

— Продаёшь, что ли? А где кастрюк?

Кирилл скатывается по обрыву к воде и возвращается с добычей.

— Годится, — говорит он, — закуска добрая! Надо на кухню отдать, чтоб сготовили...

Киря бросается к калитке, бормоча:

— Я отнесу, отдам...

— Стой! — ловит его за шиворот часовой. — Не положено! Я сам отдам, как сменюсь...

Киря понимает, что силой не прорваться, и садится на траву рядом с солдатом.

Некоторое время они разговаривают о кастрюке, о сибирских рыбах, которые в диковинку владимирскому мужику.

— Какой тут рыбы полно, такой в нашей Клязьме вовсе нет, — окая, говорит солдат. — Пошёл бы да поудил ещё, — предлагает он Кире.

Тот соглашается. Если принести побольше, авось смилостивится солдат, пропустит. Как-никак, а знакомство теперь завелось.

Кирилл отправляется, выбирает червей покрупнее, забрасывает удочку в разных местах. Но клёв кончился, и, не считая мелочи, ничего путного уже «не берётся».

На сердце у Кирилла тревожно. Скоро вечер, а он ещё ничего не разведал, не узнал. Вспомнив провожавшего его партизана, он лезет за пазуху и достаёт подарок. Отшлифованная полоска стали сверкает остро-заточенными краями.

И вдруг Кириллу приходит мысль. Он быстро проводит остриём ножа по левой руке повыше запястья. За сталью остаётся красный след, края порезанной кожи расступаются...

Кирилл бежит к больнице, он не чувствует боли. Чутьё подсказывает ему, что на этот раз его не смогут не пропустить...

— Помогите, дяденька, порезался я...

Солдат оторопело тарашил глаза на окровавленную руку, а Киря продолжал уговаривать:

— Для вас хотел постараться! Вот такую рыбищу захватил, а она вместе с леской замоталась!

Полез в воду, а там стекло битое, что ли...

Из калитки вышел другой солдат. Он насмешливо уставился на Кирилла и спросил:

— С какого фронта прибыл? С кем воевал?

— С рыбами,— бойко ответил Кирилл,— пустите в больницу, чтоб хоть тряпицей завязали.

Солдаты поговорили между собой, и новый часовой сказал старому:

— Хоша, конечно, и нельзя, да у него вроде бы и в самом деле ранение. Доведи

до Анисьи, пускай перевязку сделает. Офицеров-то уже нету, разошлись...

В больнице стоял запах лекарств.

Солдат постучал в застеклённую дверь и шагнул вместе с Кирей в перевязочную.

Молодая санитарка мыла пол. Солдат спросил её:

— Трунтова где?

— Сейчас придёт. В это время открылась дверь, и в комнату вошла невысокая женщина с гладкозачёсанными волосами и добрыми глазами.

— Вот, Анисья, перевяжи-ка мальчика да я его быстро выведу отсюда, чтоб никто не видал...

Трунтова внимательно разглядела рану.

— Стеклом, говоришь, порезался? — она пристально поглядела Кире в глаза и, словно поняв всё, что с ним произошло, сказала солдату:

— Коли привёл, так уж не торопи. Рана-то большая, зашивать придётся. Иди, отдыхай, сама его провожу...

Пока санитарка домывала пол, Киря молчал, даже не охая после йода.

Когда девушка вышла, Киря тихо произнёс:

— Громов вам кланяется...

Трунтова ответила вопросом:

— А тебя как звать?

— Кирей... А что?

Сестра продолжала молча бинтовать руку. Закончив перевязку, сказала:

— Передашь, что всё готово. Пусть плывут на рассвете. В крайнее окно, у обрыва, трижды стукнете. Понял?

— Понял,— ответил Киря.

— Фельдшер вам его подаст,— продолжала Трунтова.— Если на стук не откроют, сразу уезжайте. Вернётесь на другую ночь. А теперь иди.

Из больницы Киря направился в условное место за городом, где его должны были ждать партизаны...



Оружие! Это слово не сходило с уст командиров и рядовых бойцов-партизан.

Оружие! Будь его в достатке, тысячи новых людей стали бы в строй.

Оружия было мало. Ещё меньше было боеприпасов.

— Ищите! — говорил Громов разведчикам.— Добывайте. Пора подходит — предстоят большие бои.

Громов говорил это тихим июльским вечером, отправляя Кирилла Баева и Проню Поставнева в Поперечное. Там, на квартире одного из подпольщиков, хранились гранаты и револьверные патроны. Они были оставлены прошлой осенью, когда отряд уходил в подполье.

Осторожно двигаются разведчики.

У села остановились, прислушались.

— Даже собаки не гавкают,— прошептал партизан.

Неожиданно тишину ночи прорезал визг поросёнка. Потом отчётливо донёсся сердитый голос старухи:

— Куда, нечистый дух, последнего поросёнка поволок?

— Беяки! — шепчет Киря.— А если они...

Киря прячет наган и гранаты за пазуху и почти мгновенно исчезает в темноте деревенской улицы.

Киря стоит в тёмных сенях и выспрашивает у подпольщика о колчаковцах.

— Человек до сорока, должно,— отвечает он.— Ты отсюда в отряд? Заходи, поешь.

— Есть-то не хочу, а молочка бы выпил.

Они осторожно входят в избу. Киря быстро ест. Потом подпольщик провожает Кирю через огороды и там вручает ему тяжёлый мешок с патронами...



Брезжит слабый предупредительный свет. Киря направляется к поскотине и без труда находит в табуне подходящую лошадку.

Усевшись верхом, Киря погнал коня мелкой рысцой. На душе спокойно. Приказ командира выполнен.

Киря смотрит во все стороны — ничего подозрительного.

Он пускает коня шагом — можно вздремнуть.

Сколько длится дремота? Может быть, час, а может быть, десять минут. Вдруг словно чья-то тёплая, ласковая рука касается лица. Он открывает глаза и тотчас крепко зажмуривается.

Солнце! Оно сверкает над зубчатой лесной кромкой горизонта. Киря оборачивается, видит длинную смешную тень всадника и лошади.

И вдруг светлое утро меркнет: «Мешок с патронами! Обронил?!»

Заметалась, задёргалась лошадь. Киря лупит её босыми пятками, скачет назад.

«Обронил! Обронил! — стучит в висках. — Что же теперь будет? Прогонят из отряда!..»

Конь спотыкается о что-то на узкой тропке.

«Патроны!»

Киря скатывается с коня и бросается к мешку. Холстина чуть намокла от росы. Он вынимает патроны — они сухие. Зря потащил их в мешке. Надо было рассовать по карманам. Сейчас он так и сделает. Занявшись этим, Киря не чувствует, как из придорожной канавы кто-то наблюдает за ним. Это сын кулака Зотова — Семён.

«Ну, конечно же, это Кирька Баев!»

Можно подползти сзади и двинуть по голове. И не будут колчаковские офицеры помыкать им, как теперь. Доложат в Барнаул и Омск: «Семён Зотов поймал громовского помощника. Да и отец перестанет называть бездельником...»

Семён уже готов тронуться с места, как вдруг Кирилл поднимается во весь рост, бросает в сторону какую-то тряпку.

Семёна охватывает страх. Он не может понять, отчего этот страх, и боязливо думает:

«Ишь вымахал, верзила. Ещё не сразу и свернёшь его. Страх подсказывает трусливые мысли: «А вдруг он не один?.. Тогда от них не уйдёшь».

В руках Кирилла что-то блеснуло. Семёна окатил холодный пот. «Револьвер! Ну, конечно же, у него есть револьвер. Адъютант Громова!.. Вот бы сунулся сдуру».

Семён Зотов вбежал в дом, где жили колчаковские офицеры, и от порога, задыхаясь, начал сыпать словами.

— Скорей!.. Он тут близко!.. Кирька Баев!

С револьвером... Награда положена, господин поручик!.. А то уйдёт!..

— По коням!

...А Киря так увлекся ягодами, что позабыл про всё на свете. Он уплетал их за обе щеки.

«Топот?» — Кире чудится топот. Он быстро поднимается и замирает. По дороге прямо на него скачут десятка три верховых. «Каратели!»

Киря метнулся к лесу. Но было уже поздно: его заметили. Загремели частые выстрелы. Подстреленная лошадь уткнулась мордой в землю...

Кирилл подбежал к избушке, что на краю пшеничного поля. Уже совсем близко от неё. Острая боль пронзает ногу. Он падает. С каждой секундой топот становится всё громче. Послышалась команда:

— Живьём его! Живьём!

Киря перевернулся на спину, сорвал с ремешка гранату и метнул в сторону карате-лей.

С толб земли и колосьев поднялся в воздух, и под его прикрытием Киря вполз в избушку.



...После взрыва наступила тишина.

Киря привалился к стене.

Из раненой ноги текла кровь. Он торопливо оторвал от рубашки большой лоскут замотал ногу. Потом достал патроны, вынул наган, всё время поглядывая в щель между пластами.

Каратели сбились в кучу. Они совещались. Потом один, худой, как жердь, зашагал к избушке.

Киря не мог сообразить, что тот собирается делать. Долговязая фигура обошла избушку, приблизилась вплотную к задней стене и вдруг исчезла. Тотчас же раздался шум на крыше. Киря отполз в тёмный угол. Он понял нехитрый замысел врага. Голова колчаковца показалась в дымовом отверстии, и тотчас же Киря выстрелил. Тело убитого, шурша по соломе, скатилось и плюхнулось на землю.

Колчаковцы пришли в движение. Они рассыпались цепью и двинулись на штурм избушки. Киря лихорадочно окинул взглядом своё убежище и крепче сжал наган.

Каратели, приближались. Они охватили избушку кольцом.

Стиснув зубы, Киря выстрелил в ближнего. Тот упал. Киря быстро отполз к середине стены и выстрелил в другого. И тот свалился.

Цепь дрогнула. Солдаты дали залп и откатились.

Офицер, размахивая револьвером, убеждал:

— Живым взять надо... Это же их связной, он знает всё.

— Но он там не один — по всему видеть.

Офицер торопливо написал донесение начальнику гарнизона города Камня: «Напал на следы Кирилла Баева. В бою убито — пять, ранено — три. Немедленно пришлите подкрепление».

Потом офицеру пришла мысль попробовать уговорить этого мальчишку. Не рискуя приблизиться к избушке, он крикнул издали:

— Эй, ты! Мальчик! Послушай, сдавайся! Ты ещё ребёнок, и большевики обманули тебя... Мы тебе всё простим. Даруем жизнь.

Офицер долго ждал, не откроется ли дверь. К нему осторожно подошёл Семён Зотов.

— Ваше благородие! — заговорил он. — На эту удочку вы его не вытащите. Я так смекаю: обложить стан соломой и поджечь — он и выскочит...



Кирилл выглянул через щель. В кустарнике тихо и безлюдно. Не видно ни солдат, ни офицера.

«Неужели ушли? Или затевают что-то?»

Паренёк метнулся к другой стене и через щель увидел крестьянскую подводу, которую со всех сторон обступили колчаковцы. Около старенькой худой лошадки стоял крестьянин. Ему что-то втолковывал офицер.

Вот тогда понял Киря, что судьба его решена, спасения не будет. Он представил, как полыхнёт сухая солома, как дым и пламя ворвутся во все щели...

«Не живого возьмут, так очумелого, угоревшего в пожаре. А потом?.. По кусочку будут резать, чтобы заставить говорить!»

Киря схватил наган и выбил из барабана пустые гильзы. На полени упало шесть трубочек. Оставался всего один боевой патрон.

Он пошарил рукой по земляному полу. Выходит, что обороняться нечем...

Киря опустил на земляной пол. Развернул тряпку на раненой ноге, стал что-то писать кровью на белом лоскуте.

Потянуло дымом. Испуганно заржала лошадь, скрипнула отъезжающая телега.

Кирилл торопливо дописал последнюю букву, встал и ударом нагана распахнул дощатую дверь.

Полуденное солнце ослепило глаза.

Прямо перед ним, невдалеке, стояли колчаковцы.

— Дайте сказать! — глухо крикнул Киря. — Сейчас вы меня возьмёте... Только слово скажу... Не вам... Родной земле! Не выдам её... А что знал, то при мне и осталось...

Живым не сдамся!

Он быстро поднёс наган к виску. Раздался выстрел.

Когда офицер подбежал к избушке, сердце Кири уже не билось. Рядом на траве лежал белый лоскут, на котором кровью было написано: «Живым гадам не сдамся».



Имя юного героя гражданской войны Кири Баева навечно занесено в Книгу почёта Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

В селе Поперечном Алтайского края около школы, где похоронили Кирию партизаны, воздвигнут памятник юному герою.

В городе Камне одна из улиц названа: «Улица Кири Баева».



для младшего школьного возраста

ПИОНЕРЫ-ГЕРОИ (альбом-выставка)

Выпуск II

**Николай Владимирович Богданов
Владимир Обрамович Дунаевский
Олег Николаевич Тихомиров
Александр Абрамович Дубовицкий
Александра Александровна Голенкова
Давид Исаевич Иохимович**

ПАВЛУША АНДРЕЕВ

**АЛЁША КУЗНЕЦОВ
МИША ГАВРИЛОВ**

КИРЯ БАЕВ

Рисунки худ. В. Л. Гальдяева

Обложка худ. В. П. Маркина

Редактор О. С. Лебедев

Художественный редактор Г. Г. Коптелова

Технический редактор Е. В. Соколова.

Корректоры С. С. Бланкштейн, Н. С. Пьянкова, Н. А. Шадрина

Сдано в производство 23.2.73 г. Подписано к печати 5.7.74 г.

Бумага офис. № 1 60×90 1/8. Печ. л. 5. Уч. — изд. л. 3,46

Тираж 100 000. Заказ № 19. Изд. № 636. Л 57971

По оригиналам издательства «МАЛЫШ»

Государственного комитета Совета Министров РСФСР

по делам издательств, полиграфии и книжной торговли



Московский комбинат игрушек

**Российского государственного промышленного хозрасчетного
объединения по производству игрушек «Росигрушка»**

Министерства легкой промышленности РСФСР

Москва, А-130, ул. Клары Цеткин, дом 28